

OMEGA

№ 8 (14/19) апрель 1986

ISSN 0131-0866

РАЙКОМ
ПОСЛЕ
6 ВЕЧЕРА.

*Сервис
по-рижски.*

**ПУБЛИКУЕТСЯ
ВПЕРВЫЕ:
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ.**

XXVII съезд КПСС продемонстрировал всему миру верность коммунистов заветам великого Ленина. Продолжая ленинские традиции, партия откровенно и смело сказала о проблемах и недостатках нашего сегодняшнего хозяйствования, поставила перед лицом общественной совести и разума то главное, что необходимо для успешного продолжения коммунистического созидания, полноценного воплощения в жизнь ленинских заветов.

Мы уверены, что недостатки, которые мешают нам жить, будут преодолены. Но ничто, как известно, не происходит само по себе. Все зависит от нас. Мы сами должны измениться. Перестроить себя, перестроить наше отношение к жизни.

Пожалуй, сегодня, как никогда, успех общего дела зависит от конкретного вклада каждого из нас, от того, что мы можем предложить своего — интересного, нового, конструктивного в процесс непростых, нелегких преобразований.

«Мы должны всякий труд построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда...» Это сказал Ленин.

Огромные, величественные, созидательные планы страны требуют сопричастности каждого молодого труженика к любому самому маленькому поручению. Таким отношением к делу и формируются активность и сознательность наших юных граждан, когда единство слова и дела становится нравственной нормой.

Однако, мы это признаем честно и откровенно, многие комсомольские организации не добились коренного поворота в работе с молодежью. Значительная часть комсомольских работников по-прежнему уходит от решений актуальных вопросов, продолжая проявлять лишь «кабинетную активность».

Партия требует внедрения в жизнь новых, перспективных, по-настоящему молодежных форм и методов работы, ибо процесс ускорения без этих новых форм просто невозможен.

Отмечая день рождения В. И. Ленина, мы вспоминаем его всегда современные слова о том, что в праздники и юбилей следует в первую очередь акцентировать внимание на нерешенных вопросах и проблемах. И сегодня партия Ленина, следуя этому завету, сосредоточила свои усилия на преодолении недостатков, которые мешают нашему движению к качественно новому состоянию советского общества.

Партия ждет от комсомола инициативы и деловитости, дисциплины и организованности, энтузиазма и самоотверженности в труде и учебе, нравственного совершенствования в повседневной жизни. Об этом было сказано на съезде. В этом сила нашего общественного строя. Сила социализма.

XXVII съезд КПСС требует от нас...

Мыслить по-новому, хозяйствовать по-новому... Вот что необходимо в первую очередь для выполнения выдвинутой XXVII съездом КПСС задачи — за период до двухтысячного года удвоить промышленный потенциал страны. Эта задача требует от каждого из нас смелых, решительных действий, инициативы, готовности брать ответственность на себя.

В комплексе факторов, от которых зависит успех дела, важная роль принадлежит современным методам организации коллективного труда. Возрастает роль бригады как воспитателя и среды воспитания. Именно здесь формируются такие качества личности, как чувство коллективизма, высокая сознательность, дисциплинированность.

В. И. Ленин в работе «Великий почин» писал: «Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся...»

Эти ленинские слова вспоминаются мне каждый раз, когда речь заходит об опыте бригад Северского трубного завода, работающих по принципу «Трудовой и общественной дисциплины — коллективную гарантию».

Как зарождалось это движение? В конце 1969 года мартеновцы обсуждали результаты работы своего цеха. Они были неплохими. Но тревожило растущее число нарушений трудовой дисциплины. Ведь что такое, к примеру, потери от прогулов? Это не только пустующее рабочее место, простаивающее оборудование. Нет человека на работе — коллектив вынужден меньшим числом выполнять задание, спешно перераспределять силы. Нагрузка увеличивается, это приводит к нарушениям технологической дисциплины, к браку. Значит, к дополнительным потерям.

Передовые сталевары А. Вершинин, А. Комаров, Н. Тиунов предложили взять под рабочий контроль состояние дисциплины в цехе и сообща отвечать за нее. Допустит кто-то производственный брак, нарушит технологию или общественный порядок — вся бригада добровольно отказывается от части тринадцатой зарплаты.

Мартеновцев поддержали трубопрокатчики. Предложение обсудили во всех цехах, на расширенном заседании парткома. Инициатива была одобрена.

Она родилась непосредственно в рабочей среде, пошла «снизу», а не «сверху» и была естественным проявлением желания рабочих бороться за порядок.

Хочу подчеркнуть, что возникновение этого почина далеко не случайно. В нем, безусловно, назрела общественная необходимость, он в интересах всех — государства, каждого коллектива, каждого человека.

Психологически важный фактор: рабочие ставят подпись под обязательством и тем самым выражают взаимное доверие, уважение, в какой-то степени дают друг другу «аванс», который надо «отработать». И нарушитель больше боится потерять не в деньгах, а в авторитете. Эта подпись — еще одно напоминание, что ты член коллектива, отвечаешь за всех, как и все за тебя. А значит, и за производительность труда, за качество продукции, за экономию, внедрение новой техники, культуру производства. Ведь все это звенья одной цепи, начинающейся с дисциплины, с порядка.

«Быстрых результатов мы, конечно, не ждали, — рассказывал мне электросварщик Северского завода Виктор Николаевич Дорожкин, — но верили, что они обязательно будут. Не получали премию из-за нарушителя, лишались звания «Коллектив высокой трудовой и общественной дисциплины», переживали, конечно... Обидно было не за десятку потерянную — за бригаду, за честь ее. И снова брали обязательства, терпеливо работали с людьми. Воспитание ведь процесс сложный, кропотливый.

Это не прокатный стан, который настроил — он и поехал. Тут выдержка нужна, внимание, постоянная забота. Главное — не быть равнодушным».

Нравящиеся — черта не врожденная, это результат воспитания. Коллективная гарантия ставит жесткий щит перед безразличием. И отношение людей к производству, друг к другу заметно меняется. Люди начинают по-настоящему болеть за план, за качество, больше заботиться об экономии материалов.

Подчеркну и такой аспект. Движение «Трудовой и общественной дисциплины — гарантию коллектива», на мой взгляд, не может закрепиться и развиваться в тех бригадах, где не сложился достаточно стабильный коллектив, где не наведен элементарный порядок на производстве. Но я глубоко убежден, что для этой формы воспитания социалистической дисциплины труда должны не только созреть производственные условия, но и перестроиться психология рабочего человека. Вот почему одной из главных задач в развитии движения северских трубников мы считаем помощь рабочим коллективам «дозреть» до коллективной гарантии. Сегодня в области, думается, уже пройден пропагандистский этап этой работы. Теперь предстоит активно распространять, то есть организовывать, это массовое движение. На каждом предприятии надо создать дисциплинирующие условия труда и быта, помочь людям в ломке устаревших понятий, в осознании высокого нравственного смысла коллективной гарантии дисциплины.

Конечно, наивно было бы ожидать, что сам факт существования обязательств избавит нас от всех бед, связанных с нарушениями дисциплины. В связи с этим вспоминаются слова председателя совета бригадиров Свердловского инструментального завода Александра Ивановича Чернова. «Бывает, — говорил бригадир, — подписываем обязательство по коллективной гарантии и забываем о нем. До тех пор, пока кто-нибудь не нарушит дисциплину. Известные ме-

ОТВ

ры воспитания не применяем, надеемся на почин. А ведь где нарушение может произойти, где коллектив еще не сложился, нужно всем — администрации, общественным организациям, цехов — активно заниматься профилактикой нарушений, помогать бригаде выполнять свое обязательство».

Во многих бригадах обязательство вместе с рабочими подписывают и мастера, начальники участков, цехов. Таким образом укрепляется связь руководящих кадров с низовыми звеньями трудовых коллективов.

На Северском заводе это практикуют уже давно. Там с самого начала стремились, чтобы линейные мастера не остались в стороне. Личный пример хозяйственного руководителя — сильный воспитательный фактор. В какой-то степени это подстегивает и самих руководителей быть более собранными, ответственными, дисциплинированными.

Очень важным моментом считаю то, что рабочие объединили в своей гарантии такие понятия, как трудовая и общественная дисциплина, поставив их на один уровень. Производственные вопросы и проблемы воспитания нужно решать в комплексе. Каков человек в быту, таков, как правило, и на работе. Разведывать эти понятия нельзя.

В июле прошлого года ВЦСПС и

Госкомтруд СССР принял совместное постановление о почине передовых коллективов Свердловской области по развитию движения «Трудовой дисциплины — гарантии коллектива». Отраднo сознавать, что почин получил широкое признание. Но почему из формулировки исчезло слово «общественной»? Получается, остановились на полдороге...

Потери рабочего времени, вызванные прогулами, на Северском трубном в пятнадцать раз меньше, чем в среднем по области. Цифра впечатляющая. Может возникнуть вопрос: неужели подписание обязательства по коллективной гарантии, когда материальное наказание исчисляется всего десятью — пятнадцатью рублями на каждого члена бригады, может дать такие результаты?

Работа, подчеркиваю, ведется комплексно. Принцип коллективной гарантии действует лишь в сочетании с другими воспитательными мерами, усиливая их. На заводе продуманы меры по сокращению потерь рабочего времени, укреплению дисциплины и закреплению кадров. Большое внимание уделяется внедрению новой техники, прогрессивных форм организации и стимулирования труда. Одновременно решаются со-

циально-бытовые вопросы, что способствует оздоровлению атмосферы в коллективе, создает хороший рабочий настрой. Целенаправленнее теперь занимаются воспитанием мастера, бригады, начальники смен и цехов. Активизировались советы бригадиров, товарищеские суды. Причем вся эта работа ведется строго конкретно, а не по принципу «охвата».

Один из многих сторонников северского почина — Свердловский инструментальный завод. Предприятие это на хорошем счету. Четверть работающих здесь — трудовые династии, текучесть кадров небольшая (в два раза ниже, чем средняя по городу и по всей инструментальной отрасли). Число нарушений трудовой дисциплины на заводе было невелико, зато серьезное беспокойство вызывали частые нарушения общественного порядка. После того, как стали работать по почину северцев, положение заметно улучшилось, и с 1983 года число этих нарушений стало снижаться.

Раз в неделю у секретаря парткома собирается координационный совет по профилактике нарушений общественного порядка, в который входят представители профкома, комитета ВЛКСМ, ад-

министрации, начальник опорного пункта по охране общественного порядка, работники отдела кадров, народные контролеры. Обсуждают, что сделано с начала месяца, разбирают нарушителей. Если три года назад звание «Коллектив высокой трудовой и общественной дисциплины» завоевали 17 бригад, то в прошлом году — 53.

Были и сейчас еще есть скептики, сомневающиеся в целесообразности и законности действий коллектива, применяющего материальные санкции... к самому себе. Что им ответить? Главный аргумент — добровольность таких действий и санкций. Добровольность, отличающая и наши коммунистические субботники, которые, если рассуждать формально, тоже не вписываются в нормативные рамки. На субботнике мы зарабатываем деньги и перечисляем их в фонд пятилетки.

Укрепление трудовой и общественной дисциплины приводит в общем итоге к улучшению производственных показателей предприятия, а значит, и к увеличению фонда материального поощрения. Это дает возможность направлять дополнительные средства на материальное стимулирование работников завода. На Северском трубном за одиннадцатую пятилетку зарплата повысилась на 11,8 процента.

Какова же механика воздействия на коллективы, допускающие нарушения дисциплины?

При нарушении одним из членов бригады трудовой или общественной дисциплины вся бригада лишается части тринадцатой зарплаты, при повторном нарушении — до 20 процентов. Если год прошел без нарушений, бригада получает десять процентов надбавки к годовой премии. Обратите внимание: речь идет о премии, а не о зарплате. Нарушителя прогнать обходится примерно в 250 рублей (годовое вознаграждение — 100—150 рублей, месячная премия — 115 рублей, дневная зарплата — около 15 рублей). В 1969 году прогульщики в мартеновском цехе не получили 18 тысяч рублей (72 случая), в

рейшей адаптации молодых рабочих. На техническое обучение молодежи предприятие расходует сотни тысяч рублей ежегодно. Но все это многократно окупается. Производственному и политическому росту молодых кадров способствует активная работа наставников. У северцев каждая группа их базового ПТУ закреплена за определенным коллективом, каждый кабинет училища — за цехом. Учащийся ПТУ со второго курса проходит практику именно в той бригаде, куда его распределяет после училища. Рабочие присматриваются к новичку, помогают ему, и когда он приходит сюда работать, чувствует себя в коллективе уже своим человеком.

Группы учащихся берут обязательство жить и работать по принципу коллективной гарантии. Выполняющим обязательство вручается премия до трехсот рублей на группу и присваивается почетное звание «Группа высокой культуры труда и учебы». Училище считается одним из самых престижных.

— На завод у нас приема «с улицы» практически нет, только из базового училища, — рассказывал мастер Северского завода Герой Социалистического Труда Василий Максимович Брянцев. — Это наша смена, наши кадры. Что заложим в них, то и получим. Кто в этом заинтересован больше, чем мы?..

В 1983 году Свердловский обком партии, обобщив опыт движения северцев, принял постановление о дальнейшем его распространении. Было проведено социологическое исследование, разработаны рекомендации.

По итогам прошлого года, в движении по области участвуют 384 предприятия. 21630 бригад (30 процентов от общего числу бригад), 281855 человек. В 1984 году было соответственно 17 тысяч бригад, 232 тысячи человек.

На Северском заводе 98 процентов бригад работают по принципу коллективной гарантии.

В движение включились предприятия Красноярского края, Днепропетровской, Куйбышевской, Калужской, Тюменской

ПРАВО НА

Владимир ЖИТЕНЁВ,
секретарь Свердловского
обкома КПСС,
делегат XXVII съезда КПСС

НА

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

За время действия почина «Трудовой и общественной дисциплины — коллективную гарантию» на Северском трубном заводе общие потери рабочего времени сократились в 7 раз, прогулы — в 8, число нарушений общественного порядка — в 2 раза, текучесть кадров — на 30 процентов.

Когда нарушителей дисциплины спросили, какое из наказаний они воспринимают наиболее болезненно, подавляющее большинство ответило: осуждение товарищей.

Работа по коллективной гарантии будит в человеке стремление к действию, стремление стать еще лучше, чтобы иметь моральное право спросить с других.

1984 году, когда нарушителей стало в семь раз меньше, — 2,5 тысячи рублей. За 1984 год в мартеновском цехе в бригадах, имеющих прогулы, частично снижено годовое вознаграждение 133 рабочим, в расчете на одного человека — 16,5 рубля. В то же время годовое вознаграждение за выполнение обязательства по коллективной гарантии было увеличено 229 работникам, в среднем — по 10 рублей. Таким образом, сумма годового вознаграждения по цеху увеличилась на 137 рублей, следовательно, в целом коллектив потерь не имеет. Это материальная сторона дела.

Если же сравнить моральный и материальный факторы, то, конечно, моральный приобретает решающее значение. Когда нарушителей дисциплины на Северском трубном спросили, какое из наказаний они воспринимают наиболее болезненно, подавляющее большинство ответило: осуждение товарищей. Как смотреть им в глаза, когда их наказывают из-за тебя?..

Известно, как много в трудовой биографии человека зависит от его первых шагов на производстве. Встретит он внимательное, доброе отношение в бригаде — быстрее освоится, легче достигнет высоты мастерства и, что очень важно, воспримет лучшие традиции коллектива.

У северцев многое делается для ско-

и других областей. Целесообразность и полезность его доказала сама жизнь.

При распространении опыта случаются, конечно, и перегибы. На некоторых предприятиях почин в буквальном смысле внедряется в приказном порядке. Или, например, за нарушение дисциплины бригаду полностью лишают годовой премии. В итоге — вместо воспитания нарушителей от них стараются избавиться. Естественно, что такое «распространение» почина не приносит пользы, а лишь дискредитирует его.

В заключение скажу следующее. Движение растет, ширится, совершенствуется. Это одна из полезных форм воспитания, формирования личности в атмосфере взаимной требовательности, подлинной культуры труда и поведения, нетерпимости к пьянству, ко всякого рода нарушениям дисциплины. Инициатива северцев сочетается с основными требованиями директивных документов, помогает обеспечить наибольшую отдачу каждого на своем месте, активное участие всех членов коллектива в управлении производством.

Распространение опыта северцев особенно важно сейчас, когда по всей стране идет перестройка хозяйственного механизма, когда партия во главу угла ставит задачу активизации человеческого фактора, наведения порядка во всех областях нашей жизни.

Шесть часов вечера. Пустеют райкомовские коридоры, остывают «докрасна» раскаленные от бесконечных звонков телефоны. Пора бы и райкомовцам отдохнуть от суеты прошедшего дня, но они не торопятся по домам.

— Значит, так. — Константин Шавель, второй секретарь Советского райкома комсомола Минска, обвел глазами работников аппарата, собравшихся в его кабинете. — Еще раз уточним адреса... Главное внимание — общежитиям, подростковым клубам. Ну, а ты, Костя, — обращается Шавель к заведующему отделом спортивной и оборонно-массовой работы Константину Баско, — посмотри со своими ребятами молодежные кафе, бары. В 21.30 собираемся опять здесь, в райкоме.

Честно говоря, давно хотелось «повариться» в котле райкомовских будней. Чтобы не со стороны, а изнутри, глазами самих комсомольских работников взглянуть на все «срочное», «неотложное». Разобраться, что же происходит сегодня в штабе районной комсомолки. Коснулся ли его свежий ветер перемен или жизнь течет все по тому же равнинному, накатанному руслу, как и пять, и десять лет назад?

Советский райком ЛКСМБ — знал я об этом и раньше — далеко не та «комсомольская глубинка», о которой писала «Смена» в последнем номере прошлого года. Это самая крупная в республике районная организация, включающая в себя 155 первичек, на комсомольском учете здесь 55 тысяч человек. Но и лидером во всех отношениях эту комсомольскую организацию не назовешь. В общем, «нормальный», типичный райком.

Пришел я сюда вечером не случайно. Хотелось убедиться, что райком комсомола не контора, где отсиживают положенные часы от звонка до звонка. Может быть, самая важная работа тут и начинается после работы.

...Райкомовцы разошлись по разным адресам. И мы с Шавелем вышли на улицу. Встречный ветер сбивает с ног.

— Заглянем на опорный пункт, — предлагает Константин, поднимая воротник пальто.

Ярко освещенное крыльцо. В дверях столкнулись с молодыми людьми с красными повязками на рукавах — патруль идет на дежурство. Участковый инспектор Александр Михайлович Гладырев, поздоровавшись с нами, продолжает разговор с парнишкой лет восемнадцати, в потрепанных джинсах, подпоясанных кожаным ремнем с металлическими заклепками, в куцей курточке на «молнии».

— Так говоришь, никакого отношения к той компании не имеешь? — спросил участковый. — А ремень этот тоже, скажешь, просто так надел?

Парень хмыкнул, но ничего не ответил. Отвернулся, всем видом показывая, что ему надоела беседа.

Почему же он здесь оказался? Дружинники заметили, как несколько ребят писали на стене дома названия рок-ансамблей. Публика известная — любители рок-музыки, у каждого из которых свой опознавательный знак: браслет, медный обруч или вот ремень с заклепками — «металлические мальчики».

— Ты на каком курсе, Сергей? — спросил Шавель.

— Ни на каком, — хмуро буркнул парень. — Выгнали меня из института.

— И ты так спокойно говоришь об этом?

— А что? Я бы и сам бросил, если бы не родители...

Хотят, чтобы у меня диплом был. А по мне лучше слесарем, чем так... — Подумал с минуту и добавил: — Уеду в Пинск, там у меня бабушка. Или к тетке в Воркуту подамся.

«НЕЛЬЗЯ СЕЙЧАС ДЕЙСТВОВАТЬ ПО СТАРИНКЕ!» — УБЕЖДЕН НИКОЛАЙ ТИТОВИЧ, СЕКРЕТАРЬ КОМИТЕТА КОМСОМОЛА МИНСКОГО РАДИОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА.

ВЕЧЕРНЯЯ СМЕНА

Леонид ЕКЕЛЬ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Письма из райкома

ЗНАТЬ,
ЧЕМ
ЖИВЕТ
МОЛОДЕЖЬ,
УСЛЫШАТЬ
КАЖДОГО,
УМЕТЬ
ПОНЯТЬ,
ПОМОЧЬ —
СЕГОДНЯ
ЭТО
ГЛАВНОЕ
ДЕЛО
КОМСОМОЛЬСКОГО
РАБОТНИКА.

Сам не знает, чего хочет. Запутался, видно, парень. Константин написал номер своего райкомовского телефона и протянул Сергею.

— Позвони завтра. Что-нибудь придумаем.

— Спасибо. — Парнишка аккуратно свернул записку и сунул ее в карман куртки.

— А чем тебе нравится рок? — спросил его Шавель.

Сергей недоуменно пожал плечами.

— Не знаю... Ритм подходящий, взбадривает...

Константину не впервой слышать подобные откровения от юных «меломанов». Одно название — «металлические», а поговоришь с ними по-хорошему и понимаешь: никакие они не металлические, а живые, ранимые, словом, обычные ребята. Любят рок-музыку? Что ж из этого? Новое время — новые ритмы. Беда в том, что порой все их интересы замыкаются на роке. Они наизусть знают названия наших и зарубежных ансамблей, а спроси, что происходит в родном городе, чем живет их комсомольская организация, — не ответят. Да-да, многие из этих «металлических» — комсомольцы, исправно платят членские взносы, ходят на собрания, но, что греха таить, не причастны они к комсомольским делам.

Не верится, что они равнодушны ко всему, кроме своих увлечений. Может, комсомольские вожаки просто не хотят, не умеют прислушиваться к их мнению? Ведь сколько еще таких вот «тихий» комсомольцев остаются без внимания и помощи. Значит, надо всерьез разобраться, на кого рассчитана тогда комсомольская работа. Получается, что воспитываем только актив.

Кто сказал, что все эти «меломаны» и «фанаты» неуправляемы?! Наоборот. Они жаждут объединения и объединяются. Только на какой основе?.. А как было бы здорово открыть для них клуб, куда пригласить знающих, авторитетных музыковедов, спортсменов!..

Об этом мы говорили с Костей Шавелем по дороге в райком. У кафе «Сузорье» секретарь райкома замедлил шаг, мечтательно вздохнул:

— Нам бы с десяток таких кафе, вот тогда бы развернулись по-настоящему.

«Сузорье» («Созвездие») — предмет гордости не только комсомольцев Советского района, но и всего города — существует уже восемь лет. И каждый вечер желающих попасть сюда не меньше, чем на хороший спектакль. Но принять в своих стенах кафе может всего-навсего 80 человек — слишком мало для такого города, как Минск.

В чем секрет такой популярности? Секрета никако-

ВЕЧЕР — ВРЕМЯ ДЛЯ РАБОТЫ. НО НЕ С БУМАГАМИ, А С ЛЮДЬМИ.

го нет, просто в культурной программе «Сузорья» умело сочетаются развлекательное и познавательное начала. Здесь с успехом действуют клубы любителей искусства, студия самодеятельной песни, клуб творческой молодежи. Только на выступлениях слайд-студии побывало более 30 тысяч человек.

В тот вечер мы с Константином были в гостях у любителей живописи. Руководители объединения — Андрей Ставров и Наташа Коваленко — показывали былинный цикл Константина Васильева. Один слайд сменяется другим, звучит музыка, каждая картина сопровождается немногословным, но точным комментарием — все это создает неповторимую гармонию, которая не может не волновать.

— Ну, как впечатление? — с нескрываемой гордостью спрашивает меня Шавель. — А ведь Андрей и Наташа не искусствоведы, он физик, она преподаватель ПТУ. Энтузиасты.

Да, сейчас вся программа «Сузорья» держится на энтузиастах. Райком комсомола здесь как будто и ни при чем. Но кто искал и находил энтузиастов, помогал им, кто решал и решает самые разные проблемы, то и дело возникающие в работе кафе? Конечно же, райком комсомола.

Скажем, такой вопрос: как оснастить кафе современной аппаратурой? Без нее «Сузорье» может превратиться в очаг культуры вчерашнего дня. Очень нужен, например, видеомагнитофон. Ведь есть ребята, которые могли бы снимать интересные фильмы о жизни молодежи района, брать видеосюжеты. В общем, не для забавы нужна эта «игрушка», но...

Но по безличному расчету видеотехнику не отпускают.

— Парадокс, — горячо говорит Константин, — средства на приобретение «видео» у райкома есть, а купить не можем.

Еще бы Шавелю не горячиться. В прошлом году, в ноябре, он, будучи на семинаре в Москве, «пробился» на прием к заместителю министра электронной промышленности СССР. Пришел в министерство просить, чтобы Советскому райкому комсомола Минска разрешили приобрести по «безналичке» хотя бы один видеомагнитофон. Замминистра, как видно, проникся заботами секретаря райкома. Пообещал: «В порядке исключения... Хотя это почти невозможно».

А недавно райкомовцы с радостью узнали: заместитель министра сдержал свое обещание — будет в «Сузорье» видеомагнитофон.

Радость ребят понятна, но и у работников райкома, и у меня все же остаются «нетактичные» вопросы. Почему хорошее дело делается «в порядке исключения»? Почему бы не узаконить иной, более приемлемый для комсомольских организаций порядок приобретения видеоаппаратуры?

...Время — около десяти вечера. Опять мы с Костей Шавелем в райкоме.

— Все вернулись? Ну что ж, рассказывайте.

— Мы с Людмилой были в общежитии техникума связи, — бойко начала Валентина Маковец, инструктор оргдела. — Бытовые условия там хорошие, а вот воспитательная работа...

— Извини, Валя, — прервал ее Шавель. — Для того, чтобы узнать, какие бытовые условия в общежитии, туда не надо ходить вечером. Не забывай, нас сейчас интересует другое.

— Я как раз и хочу перейти к организации досуга. Были мы на лекции. В красном уголке человек двадцать. Делают вид, что слушают. А слушать-то нечего — прописные истины о вреде алкоголя. Недаром большинство предпочитает сидеть у телевизора.

— А если в это время идет интересная передача? «Мир и молодежь», например, — тогда как? — не без подвоха спросил кто-то.

— Да и насчет «прописных истин» надо бы поосторожнее, — резонно заметил другой. — Всем ли они так уж хорошо известны?

Валентина не на шутку растерялась. И было от чего. Многие из нас грешат резкостью и прямолинейностью. Но со стороны работника райкома субъективизм в оценке той или иной ситуации недопустим: он может привести к ошибкам, к искажению истинного положения дел. Тут-то и помогает коллективность — вот такой открытый, товарищеский обмен мнениями.

— Я, конечно, не против интересных телепередач. — Валя обрела свое прежнее спокойствие. — Просто за ребят обидно. Многие приехали из деревень и ни разу не были ни в театре, ни в филармонии.

— Что ты предлагаешь? — спрашивает Шавель.

— Пригласим их на вечер отдыха в наше лучшее общежитие, пусть посмотрят, что можно сделать при желании.

— Хорошо бы ребят из «Сузорья» к ним направить. В виде шефской помощи.

— А может, сначала у них самих спросить, что им хочется?..

Опять спор, опять коллективный поиск.

— Ну, а как дела в подростковых клубах? — Шавель задает новый вопрос.

Поднимается Людмила Мотора — она побывала в жэке № 42, над которым шефствует Минское производственное объединение вычислительной техники.

— Думаю, есть о чем поговорить на бюро райкома. К сожалению, никаких сдвигов. Как был один туристский клуб, так и остается. Видно, комитет комсомола объединения не считает работу с детьми и подростками серьезным делом.

— А что у тебя, Костя?

Басько кратко и четко рассказал о рейде оперотряда:

— Побывали в питейных заведениях. Хуже всего в ресторане «Прамень». Он ведь под одной крышей с безалкогольным шоколадным баром, а там всегда много молодежи. Такое соседство, я считаю, нельзя больше терпеть. Надо срочно связываться с общепитом и решать вопрос по существу.

Шавель внимательно слушает коллег и в то же время о чем-то напряженно думает. Сейчас, кажется, самое время поделиться своими соображениями: он же секретарь, а не просто регистратор информации. Да и разве только ради сбора оперативных сведений затеяна эта вечерняя акция райкомовцев?

— Я вот о чем думаю, — неторопливо начал Константин, — не распыляем ли мы свои силы? Возьмем сегодняшний вечер. Были мы в разных «горячих точках» района, своими глазами увидели, как молодежь проводит свободное время. И все-таки особого удовлетворения от этого рейда нет. Согласны?..

— Почему же? — Райкомовцы оживились, они не спешили соглашаться с секретарем. — Разве этого мало?..

— Точная информация — уже полдела.

— Теперь хоть знаем, с кого спросить.

— «С кого спросить»? — подхватил реплику Шавель. — Проверятьlickи, ревизоры... Никак не расстанемся с этой ролью. А ведь мы прежде всего организаторы, а не контролеры. Легче всего прийти в клуб или общежитие и, как говорится, дать разгон: то не так, это не эдак. А что изменится? Решим ли «указивками» проблему?

— Что ты предлагаешь? — Теперь уже секретарю райкома самому приходится отвечать на этот требовательный, бескомпромиссный и, пожалуй, самый популярный среди комсомольских работников вопрос.

— О зонах комсомольского действия слышали? — в свою очередь, спросил Константин. — Это когда какую-то важную проблему решает сразу несколько комсомольских организаций — всеми имеющимися у них средствами. «Трудные» подростки, например. Кто у нас с ними занимается? И оперотряд, и подотряд, и жэк с разными кружками и секциями. Цель одна, а действуют зачастую, как лебедь, рак и щука. А что, если у нас на базе того же жэка № 42 создать зону действия, — все более увлекаясь, продолжал секретарь райкома. — В этом микрорайоне две школы, почти две тысячи подростков... Увлечь их полезным делом — разве это нам не под силу? А?

Шавель с затаненной надеждой посмотрел на коллегу, ждал, что они скажут.

— Идея хорошая, — первым отозвался заворг райкома Женя Акулич. — Но и воз, если уж еще раз вспомнить басню Крылова, нелегкий. Нужен сильный коренник — головная организация, которая бы потянула.

— А объединение вычислительной техники, где сотни комсомольцев, чем тебе не коренник? — тут же подсадила Люда Мотора.

— Правильно! — обрадовался Акулич. — А на подмогу позовем ребят из малочисленных организаций. Это надо обсудить на бюро райкома.

Райкомовцы еще долго спорили, совсем забыв, что сейчас уже поздний вечер. Говорили, между прочим, и о том, почему некоторые комсомольские активисты после рабочего дня, на отдыхе, превращаются в пассивных созерцателей. А может, потому, что и райком в это время нередко уходит от дел, как бы складывает с себя обязанности организатора, руководителя, коллективного вожака молодежи? Так что словами, упреками тут мало поможешь. Нужен пример, нужно и вечером быть в гуще событий, а не в стороне от них — без этого комсомольская работа сейчас просто немыслима.

— Ну, что ж, ребята, — подводит итог Шавель. — На сегодня, наверное, хватит. Завтра еще потолкуем. А до завтра осталось... — Костя смотрит на часы.

— Как в песне, четырнадцать минут, — весело сказал кто-то.

— Райком не дремлет!

ОТ РЕДАКЦИИ. Разговор о «вечерней смене» райкома комсомола мы собираемся продолжить. Обращаемся к вам, уважаемые читатели. Давайте проведем эксперимент: в ближайший вечер, после 18.00, загляните в ваш райком ВЛКСМ. Работает ли он, горит ли свет в его окнах? Чем заняты райкомовцы и активисты? Кто приходит сюда «на огонек»?

Ждем ваших писем.

Советую прочитать...

Уважаемая редакция журнала «Смена»!

Горячо поддерживаю начинание редакции по стимулированию пропаганды и популяризации журнала «Смена» читателями. Из второго номера узнал о вручении И. Н. Лопатиной из Кирово-Чепецка диплома «Смены» за пропаганду и распространение журнала. Хотелось бы поздравить заслуженную учительницу с достойной наградой — первым дипломом «Смены» и пожелать ей дальнейших успехов в труде и личной жизни.

Хочу рассказать еще об одном неутраченном пропагандисте с солидным стажем, о нашем бывшем коллеге, кандидате сельскохозяйственных наук Мие Михайловне Коган. Уже пять лет она на заслуженном отдыхе, но находит время посещать бывших сослуживцев Белорусского НИИ животноводства и каждый раз спрашивает: «Надеюсь, все выписывают «Смену»? А вы читали в последнем номере журнала?...» Все в институте знают, что Мия Михайловна является постоянной читательницей вашего журнала еще с юных лет. Причем эта любовь эрудированной, обладающей многосторонними увлечениями и тонким юмором женщины с годами не угасает. Несмотря на то, что Мия Михайловна выписывает и другие периодические издания, просматривает в библиотеках города всевозможные художественно-политические и научно-популярные журналы, предпочтение она отдает все же журналу «Смена». Были времена, когда на ваш журнал было тяжело подписаться, но Мия Михайловна регулярно получала «Смену», пропагандировала журнал и давала читать его всем желающим.

Эту нежную привязанность к журналу она привила своим детям и всем нам, сотрудникам отдела. Да и как было не подпасть под влияние такого упорного пропагандиста, если Мия Михайловна частенько говорила: «А вы читали в последнем номере журнала «Смена»?..» И всегда ее сообщения были интересны для окружающих. Трудно сказать, что нас больше побуждало регулярно выписывать журнал, его интересное и разнообразное содержание, красочное оформление или своевременно задаваемый вопрос Мие Михайловны: «А вы читали в последнем номере журнала «Смена»?..», — но мы дружно подписывались на ваш журнал и тогда, и сейчас, насколько не сомневаясь в его полезности.

Заканчивая письмо о страстном пропагандисте с полувекowym стажем, мне бы хотелось, чтобы очередной диплом «Смены» за многолетнюю пропаганду и распространение журнала получила Мия Михайловна Коган, поскольку более трогательной привязанности к периодическому изданию я не встречал ни у кого.

В. Т. ВАСИН,
старший научный сотрудник
Белорусского НИИ животноводства

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редколлегия благодарит нашу постоянную читательницу М. М. Коган за активную работу по пропаганде журнала и награждает ее дипломом «Смены». Поздравляем Вас, Мия Михайловна!

Я узнаю столько нового

Дорогая редакция!

Огромное удовлетворение получил я, участвуя в проводимых редакцией конкурсах эрудитов, посвященных таким знаменательным датам, как 40-летие Победы над фашизмом, XII Всемирный фестиваль и другие. Я по-настоящему понял смысл и значение известного олимпийского афоризма «Главное не победа, а участие!». И я никогда не пожалел тех вечеров, что провел среди книг и старых подшивок в поисках информации, в поисках знаний! Словом, увлекли меня необычные конкурсы знаний, победить в которых под силу только истинным эрудитам и знатокам. Они составили меня полюбить спорт, заново осмыслить традиции наших дедов и отцов, вспомнить забытое. Я сделал альбомы «История Олимпийских игр», «Герои Советского Союза», «Салют, фестиваль!» по материалам конкурсов эрудитов «Смены», и моими материалами пользуются лекторы, студенты, учащиеся.

Валентин ГУЖОВ, Архангельская область

НЕ ПОРАБОТАТЬ ЛИ НА ДОСУГЕ?

ТАК НАЗЫВАЛАСЬ АНКЕТА «СМЕНЫ», ОПУБЛИКОВАННАЯ В №3. РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА СОТНИ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ОТКЛИКОВ. В ПОДАВЛЯЮЩЕМ БОЛЬШИНСТВЕ ПИСЕМ АВТОРЫ ТВЕРДО ОТВЕЧАЮТ: «ДА, МЫ ХОТЕЛИ БЫ ПОРАБОТАТЬ В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ. НО...»

Сразу оговоримся: публикуемым сегодня обзором мы отнюдь не намерены подвести итог обсуждению этой темы. Письма с ответами на вопросы анкеты продолжают поступать, и было бы ошибкой оставить их без внимания лишь потому, что они пришли позже других. Пока же наша задача — предварительно познакомить участников заочной дискуссии с мнениями друг друга. Быть может, результатами такого знакомства станут новые идеи, новые предложения...

«Спасибо за вовремя начатый разговор, — пишет москвичка **С. Никитина**. — Только пусть он найдет свое продолжение в другом качестве, на деле. Живу одна, оклад — 135 р. Как говорится, лишнего себе позволить не могу. Пыталась устроиться на работу по совместительству — безрезультатно. Из-за нелегальной справки с места основной работы спрос и предложение не находят точек соприкосновения. Дикость! Человеческое с дипломом, когда хочет заняться на досуге полезным делом, полезным и для себя, и для государства, — вынужден чувствовать себя парией. А ведь если даже грубо прикинуть, москвичи, будь у них возможность дополнительно работать, спокойно обошлись бы без притока рабочей силы со стороны».

Почтальон, уборщица, приемщица в химчистке или ателье, санитарка в больнице, фасовщица в магазине — вот далеко не полный перечень профессий и должностей, в которых хотели бы работать в свободное время, по два-три часа в день, наши читатели. **И. Тышкевич** из Минска, **Е. Попова** из Балашихи, **Л. Леднева** из Можайска, десятки других, не назвавших свои фамилии. Заметьте: они предлагают свои услуги именно там, где ощущается острый дефицит кадров. Но предлагают тщетно... Везде им отказывают, везде «подводит» наличие диплома о высшем образовании.

«Получается, — пишет читательница из Горького, — что при остром недостатке рабочих рук никто не обращает внимания на желающих работать. Именно работать, а не законном основании».

«Необходимо поднять вопрос о пересмотре некоторых законов трудового кодекса, которые ограничивают, а порой делают невозможным устройство на дополнительную работу, в печати же — дать подробные консультации по этому вопросу», — считает **И. Тышкевич**. Ее поддерживает инженер-конструктор из Жданова: «Надо поощрять в людях, в том числе и в ИТР, желание работать, не попрекать желанием улучшить свой жизненный уровень. Ведь человек зарабатывает (законно) — работая на все общество, а значит, надо дать ему эту возможность».

«Проблема работы в свободное время меня интересует давно, — пишет в редакции электрик из Владивостока **Александр Гладков**. — Сколько же рогаток стоит на пути желающего поработать на досуге! У нас во Владивостоке тысячи объявлений: требуются, требуются... А предлагают свои услуги, скажем, жэку или службе быта во время отпуска (у моряков он порой до 6 месяцев), — потребуют столько документов да поставят такие условия, что создается впечатление, будто их цель не нанять работника, а отмахнуться от него».

Что же предлагают читатели? Слесарь-сборщик из Пензы **А. Максимов** считает, что много возможностей для дополнительной работы есть и на родном заводе. «Вот такой пример: у нас в цехе после нас еще и уборщицы работают с окладом около 80 рублей. Так заплатите нам с напарником хотя бы по 30 р., и мы бы убирались точно так же, если не лучше: ведь нам завтра здесь же работать! (Экономию считайте сами.) Да и в рабочее время сорили бы меньше».

«Болезненное место любого завода — ремонтные работы, — пишет инженер ОКСа из Горького **А. Колосов**. — Обычно приглашают или шабашников, или специализированную организацию, что для предприятия почти одинаково дорого. А почему бы не разрешить браться за это дело после основной работы своим же рабочим и ИТР, имеющим соответствующую квалификацию?»

Аналогичные мнения у **Людмилы Коробейниковой** из Новосибирска, инженера **Гневуш** из Таллина, многих других. Кстати, и здесь, как видим, наши читатели хотели бы взяться за работу, нужную производству, заводу, государству, а не им лично. Ни в одном письме нам не встретилось «пожеланий» типа: хочу сидеть, ничего не делать и деньги получать. Вопрос о дополнительной работе авторы рассматривают в первую очередь с точки зрения дополнительной же пользы для общего дела.

«Необходимо, чтобы желающие трудиться на досуге получали всю нужную информацию в бюро по трудоустройству», — считает **М. Транькова** из Ленинграда. А **С. Никитина** предлагает в каждом районном заведении специальные «Карточки спроса и предложения» по профессиям и условиям работы. «Кому же, если не бюро по трудоустройству, обеспечить дополнительную работой всех желающих? — спрашивает 25-летний слесарь из Москвы. — Там, и именно там, должны сходить интересы обеих «сторон» — народного хозяйства и каждого работника». «А пока, — сетует библиотекарь из Челябинска, — бюро трудоустройства занимаются своим делом просто несерьезно».

«Предлагаю в каждом городе организовать мастерские молодежной моды, где могли бы работать студенты, молодые матери и т. д. (шить одежду, обувь по сезонам)», — пишет **Л. Отбеткина** из Волгодонска. Ее сверстница из Куйбышева добавляет: «Можно привлекать студентов и надомниц к выпуску остромодной молодежной и детской одежды, которая была бы тогда разнообразной, несерьезной».

Таких писем пока всего два, хотя многие наши читатели сообщили о себе: «Люблю шить, вязать, с удовольствием делала бы это и для других». Почему же авторы не видят в этом реальный вариант дополнительной работы, заработка — для молодых матерей, временно сидящих дома, студентов?

Причина проста — нет пока, к сожалению, законных и достаточно стабильных путей реализации такой продукции. Но мало ли было в нашей истории непроторенных дорог и мало ли их еще впереди? Давайте вместе подумаем: какой путь был бы тут наиболее верным, для всех удобным, выгодным?

«Обсуждение проблемы продолжается. Ждем новых писем!»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1414) АПРЕЛЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: моды нынешнего лета.

Фото
Владислава
ЛОКТЕВА.

- 1** XXVII СЪЕЗД КПСС ТРЕБУЕТ ОТ НАС... «ПРАВО НА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ».
- 2** ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА. «ВЕЧЕРНЯЯ СМЕНА». Фотоочерк Леонида ЕКЕЛЯ и Сергея ВЕТРОВА.
- 5** ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.
- 6** АДРЕС ИНТЕРЕСНОГО ОПЫТА. «ЭКСПРЕССИС» — ЗНАЧИТ БЫСТРО». Фоторепортаж Валерия ГУРИНОВИЧА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 8** Рассказ Фазиля ИСКАНДЕРА «ТРОЕ В СИНИХ МАКИНТОШАХ».
- 12** «ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРОЗВУЧАЛО: «ПОЕХАЛИ!»
- 14** ЗАКОН И ТЫ. Юрий ФЕОФАНОВ. «ТЯЖБА».
- 16** Мария БОГДАНОВА. «ПЛАТЬЕ ДЛЯ БЕЛОСНЕЖКИ».
- 18** ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА. Георгий ДАНАЙЛОВ. «НЕ УБИТЬ МОЦАРТА».
- 20** МОЛОДЕЖНАЯ МОДА. «ХОТИТЕ ВЫГЛЯДЕТЬ НАРЯДНО?»
- 21** КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ». «И ВИДИШЬ СВОЙ КРАЙ».
- 22** ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНЫ». «В МИРЕ ГЕНИЯ».
- 24** Олег ШЕСТИНСКИЙ. «КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ».
- 29** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ». Роман Артура КОНАН Дойла «ДОЛИНА СТРАХА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

XXVII съезд КПСС требует от нас...

Картинка из прошлого: по улицам старой Риги спешат бравые посыльные. Они деловиты и элегантны, из толпы их выделяют фуражки с красными, желтыми, синими околышами. Именно с артели посыльных началась девяносто лет назад рижская служба быта. Без «красно-желто-синих» не обходились ни свадьбы, ни дни рождения. Вручить подарок, сделать срочную посылку, отправить заказную почту — везде рижан выручали улыбающиеся, проворные артельщики. Более десятка видов услуг оказывали они.

Сегодня фирма «Ригас экспресис» — правнучка той досточтимой артели — выполняет услуги 128 наименований. Назовем хотя бы некоторые: ремонт и изготовление мебели, переплет журналов и книг, реставрация зеркал, уход за детьми и престарелыми, репетиторство, музыкальные занятия, оформление интерьера квартиры...

Если взглянуть в родословную фир-

прибегает к ее услугам, более половины свободного времени. Заместитель директора института профессор И. Т. Левыкин справедливо заметил, что проблемы сервиса стали проблемами социально-экономическими.

— Нужно стимулировать обслуживание человека, а не бумажную отчетность, — подчеркнул он. — Разве не показателен факт, что лишь 11 процентов населения страны обращаются к помощи службы быта.

На бытовые заботы население страны ежегодно тратит более ста миллиардов человеко-часов, что эквивалентно фонду рабочего времени свыше сорока миллионов человек, занятых в народном хозяйстве. Снизить эти затраты хотя бы на несколько процентов — значит улучшить баланс трудовых ресурсов, сэкономить людям время для полноценного, творческого отдыха. Именно этим, а не только рублем должны мы определять социально-экономическую эффективность сферы услуг. Но зачастую получается так: предприятия службы быта

**СТО
ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ВИДОВ
САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ
УСЛУГ ОКАЗЫВАЕТ
СЕГОДНЯ ФИРМА
«РИГАС
ЭКСПРЕСИС».**

столярни
слесарна
мастерс
„УМЕЛЫЕ“

мы, можно увидеть, как артель преобразовывалась в комбинат, комбинат — в объединение. Фуражки с околышами сменялись чинными котелками, ручные тележки — автомобилями. Неизменным оставалось лишь слово «экспресис» в названии фирмы. «Экспресис» — значит быстро, четко, без задержек. И вчера, и сегодня это здесь ведущий принцип работы. Генеральный директор фирмы Юрий Иванович Шаршалин определил суть бытовых служб категорично, но точно: «Мы — неотложная помощь!»

Увы, принципа этого придерживаются далеко не все работники сервиса. По данным Института социологических исследований Академии наук СССР, сегодня служба быта отнимает у тех, кто

«ЭКСПРЕСИС» —

НОВАЯ РУБРИКА

Адрес
интересного
опыта

какая
руки..

вообще не имеют заказов индивидуальных клиентов, а план — в ажуре.

У бытовых служб три функции: выполнение индивидуальных заказов населения, обслуживание предприятий, организаций и учреждений, выпуск изделий серийного производства — ширпотреба. И понятно, что обслуживать индивидуального клиента, того самого, который стоит в очереди, требует выполнения заказа в срок и качественно, а то и жалобой пригрозит. — дело, с точки зрения работников сервиса, хлопотное и невыгодное. Куда проще отстирать в машинах тысячи комплектов спецодежды, пошить матерчатые сумки, отштамповав на них портреты Пугачевой и Боярского. Вот они, «живые» рубли — план, премии...

«Хитрость», что называется, на виду: услуги, оказываемые организациям, в отчетах непонятным образом становятся «выполнением индивидуальных заказов». Отсюда и «процент охвата населения» и все тот же «вал». Даже в условиях экономического эксперимента главным оценочным показателем по-прежнему остается общий объем реализации. Поэтому индивидуальные заказы даже сейчас не стали для сервиса основной заботой.

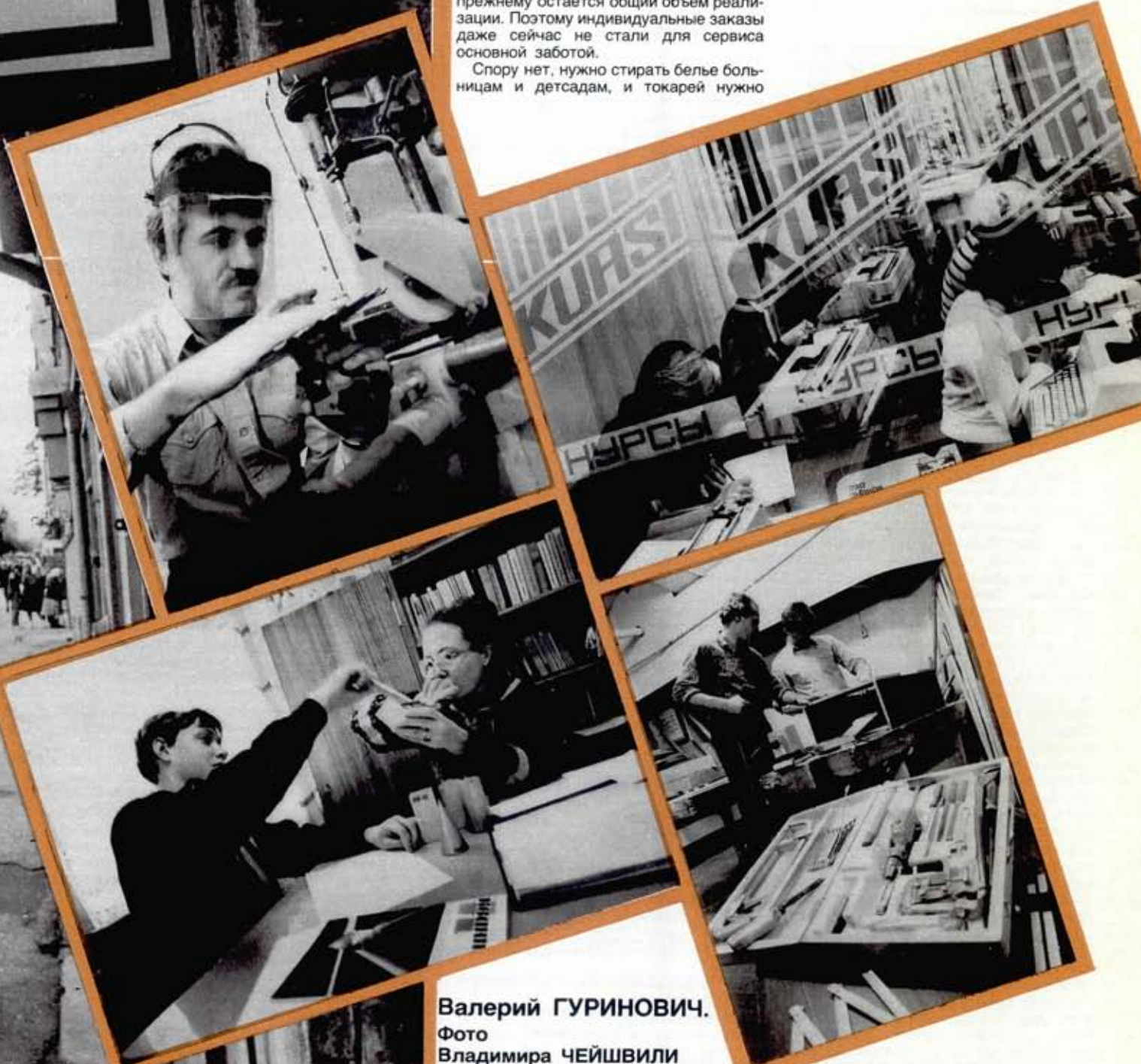
Спору нет, нужно стирать белье больницам и детсадам, и токарей нужно

облачать в чистые, глаженные спецовки, но и о «самотеке» (так окрестили бытовики нас, неорганизованных заказчиков) забывать не стоит...

На этом фоне опыт «Ригас экспресис» приобретает особую значимость — рижане не ищут путей обманчиво легких, их внимание, забота сфокусированы на индивидуальном обслуживании. Больше того, они заинтересованы в заказчике требовательном, пристрастном.

— Здесь срабатывает обратная связь, — пояснил Юрий Шаршапин. — Требования заказчика стимулируют работу фирмы. Спрос рождает предложение... Переключись мы на обслуживание организаций, нам достаточно было бы 6—7 видов услуг, чтобы ходить в передовиках. Работа же с индивидуальным заказчиком требует изобретательности, фантазии. Мы стараемся удовлетворить самые придирчивые вкусы.

В том, что слова эти соответствуют истине, каждый из индивидуальных заказчиков может удостовериться сам.

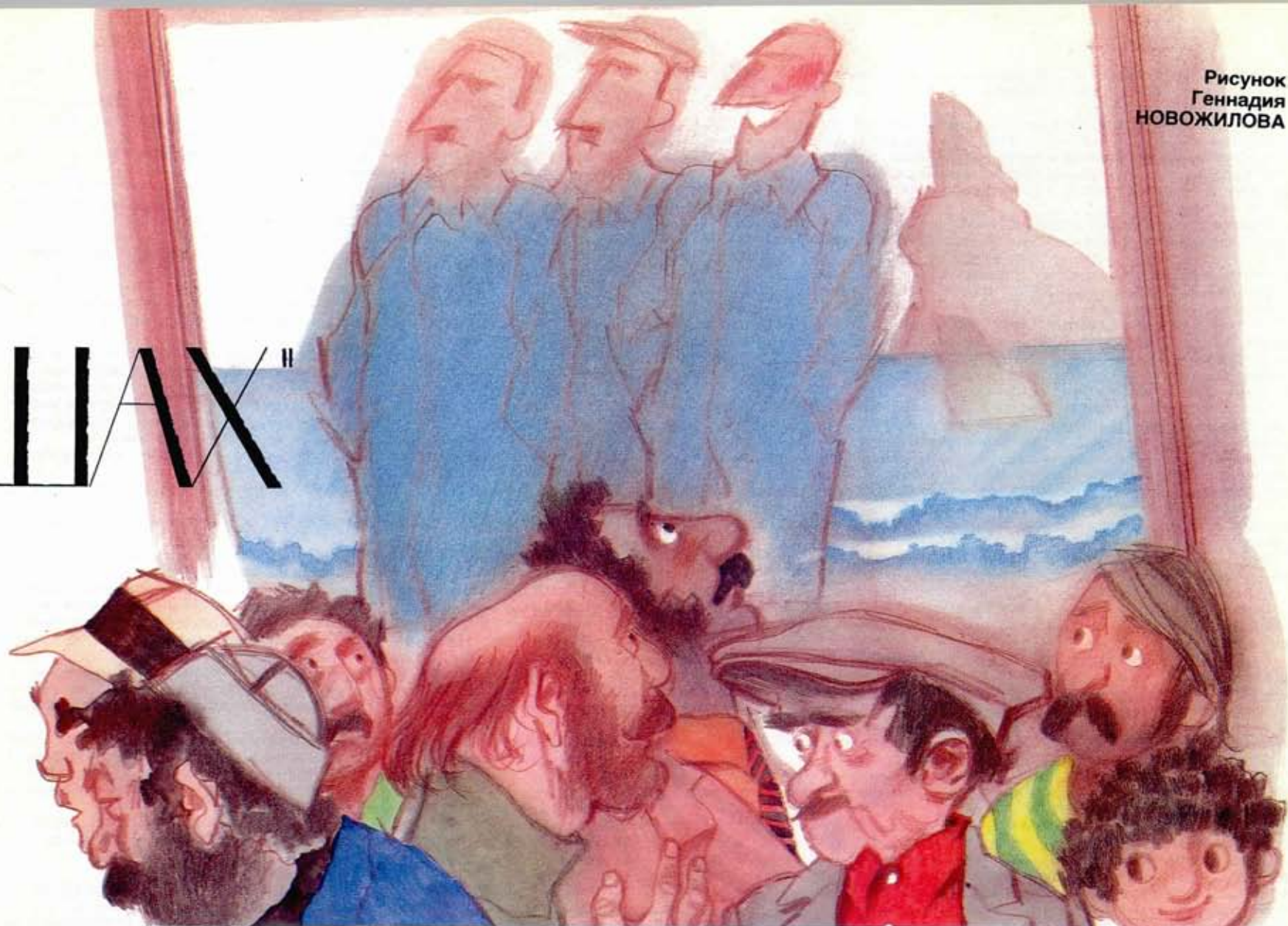

Валерий ГУРИНОВИЧ.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ЗНАЧИТ БЫСТРО

ШАХ

Тогда почему у него такое улыбающееся, жизнерадостное лицо? Господи, да не обменялись ли эти трое головами?!

Картина называлась «Трое в синих макинтошах». На все вопросы Андрей морщился по своей привычке или отвечал, что ничего, кроме эффекта перехода цвета темно-синих макинтошей в синь гладко выбритых щек, его в этой вещи не интересовало.

Картина наделала много шума, и в конце концов ее сняли до закрытия выставки. Впрочем, в нашем городе ее все успели посмотреть. В книге отзывов о ней писали больше, чем обо всех остальных картинах, вместе взятых, хотя и среди остальных было несколько хороших полотен.

Большинство отзывов склонялось к тому, что на картине изображены три бюрократа. Честно говоря, я сам склоняюсь так думать, но сказать ему об этом я не решился, поскольку знал, что он может обидеться на такую прямолинейность.

Некоторые отзывы, на мой взгляд, наиболее забавные, я тогда же переписал в блокнот. Вот они.

«Три макинтоша» — Здорово! Здорово! Здорово! (Следовали три подписи, из чего я заключил, что трое друзей по одному разу выкликнули свою оценку.)

«Так держать!» (Приказывал некий сухопутный капитан, но расписался как-то уж слишком неразборчиво. Меня этот сухопутный капитан почему-то всегда раздражал больше всех остальных.)

«Картина хорошая, но почему трое именно в синих макинтошах?» (Страстно допытывалась какая-то женщина.)

Иные писали просто черт-те что. Так, например, выступил представитель народного контроля, вызвавший своим отзывом целый каскад разных реплик. Он писал: «Если художник имеет в виду заведующих промтоварными складами № 1, № 2, № 3, то дело не в том, что они щеголяют в синих макинтошах, хотя это метко подмечено, а дело в том, что они отпускают налево дефицитные товары, вплоть до «джерси». И не надо было им головы маскировать путем обмена. От перестановки слагаемых, как говорится в народе, сумма не меняется».

«Позор товароведу Цурцумия!!!» — бросил кто-то гневную, но совершенно непонятную реплику. Можно было догадаться, что она написана под влиянием предыдущей записи, но, как впоследствии выяснилось, дело было сложнее.

А вот запись молодого представителя рабочего класса. «Хорошая картина и правильная. Пока некоторые в синих макинтошах прохладятся возле моря, стройка стоит и будет стоять. Я сразу узнал очертания Оранжевого мыса и начальника нашего СМУ. Он тот, который в середине, только художник ему другую голову приделал. И это мудро. У гидры бюрократизма отруби одну голову — вырастет другая...»

И подпись, и адрес были выведены с полемической отчетливостью.

А вот еще один, последний отрывок из последней записи. «...Я впервые на периферийной выставке и удивлен. Во-первых, почему каждый пишет что хочет, товарищи? Ведь этим могут воспользоваться те, которые разъезжают под видом туристов? Почему сами не догадались, почему все надо подсказывать, товарищи? Ведь я здесь отдыхаю случайно, хотя, разумеется, не случайно в санатории министерства тяжелой промышленности. В Москве, например, сейчас на выставках...» Дальше шло описание того, как, по его мнению, теперь устраивают выставки в Москве, но об этом потом. Товарищ из тяжелой промышленности не только отчетливо подписывался, но и указал номер комнаты в санатории, где он жил, что могло быть понято как приглашение для более подробной консультации.

Должен сказать, что до этой цитаты шел довольно резкий отзыв о самой картине. Думаю, все это повлияло на то, что случилось позже.

Так или иначе, в один прекрасный день в нашей газете прошел слухок, что картина Таркилова кому-то наверху не понравилась, что редактор кому-то уже заказал статью по этому поводу и она появится в газете, как только уедет из Оранжевого мыса один молодой принц из еще более молодого африканского государства.

Сначала никто не понимал, какая тут может быть связь между молодым принцем, отдыхающим на Оранжевом мысе, и нашей выставкой, но потом редактор наш, Автандил Автандилович, нам все объяснил.

Оказывается, принц еще не окончательно выбрал между нашим и американским путем развития своего несовершеннолетнего государства. Иногда он у нас отдыхает, иногда на Флориде.

Это во-первых. А во-вторых, имелись сведения, что он коллекционирует картины. И хотя точно никто не знал, какого характера работы он выбирает для своих коллекций, было подозрение, что он из молодых, да ранних.

Конечно, было маловероятно, что принц, просыпаясь по утрам, первым делом хватается за нашу местную газету, но все-таки рисковать не стоило, тем более, что через неделю он собирался уезжать к себе домой...

Я понял, что со статьей, конечно, могут и подождать, но картину с выставки обязательно снимут, тем более что принц ее еще не посещал.

Как раз в это время ко мне приехал приятель из Москвы, и я решил воспользоваться этим случаем, еще раз зайти на выставку. Сам Андрей был в деревне и писал свою сборщицу чая. Предупреждать его о надвигающейся грозе было бесполезно. Он кончал картину и в таких случаях говорил, что только смерть кого-нибудь из близких может быть достаточным поводом для остановки в работе. Я знал, что это не пустые слова.

Как только мы с приятелем вошли в выставочный зал, я сразу же почувствовал тревогу, но почему-то не придавал ей значения. Еще пересекая зал, я протянул руку в сторону невидимой за колонной картины и сказал что-то вроде того, что и мы не лыком шиты...

Но, увы, картины на месте не оказалось. Я мельком оглядел весь зал, но ее нигде не было. Теперь я понял причину своей тревоги. За месяц пребывания картины на выставке я привык, что возле нее все время происходило небольшое бурление толпы. В какой-то мере она была как камень, брошенный (конечно, незаметно) поперек спокойного течения выставки. И хотя течение не остановилось, да он и не пытался его остановить, но вокруг картины все время журчал живой бурунчик, слышный во всех концах зала выставки.

Сейчас все было тихо. Это-то и вызвало во мне тревогу, но поразило меня не это. На месте картины Андрея висела совсем другая картина, совсем другого художника, правда, примерно такого же размера. Эта была одна из бесконечных иллюстраций к великой поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Картина изображала трех витязей — Автандила, Таризла и Фридона, с маршальской деловитостью обсуждающих способы взятия крепости Каджэти, которая призрачно, подобно контурам новостроек на картине Андрея, высилась на заднем плане.

И хотя в отличие от синих макинтошей рыцари стояли вполоборота к зрителям, а Таризл и вовсе спиной, чувствовалось какое-то дикарское шарлатанство в том, что на месте картины Андрея Таркилова поместили именно эту. Расчет был ясен: если кто-то что-то слышал о «Троих в синих макинтошах», то теперь, увидев трех

Есть в истории человечества даты, память о которых сохранят и далекие потомки. Среди них — 12 апреля 1961 года, день, когда впервые в мире человек отправился в космос. Четверть века минуло с тех пор, как космонавтика за эти годы шагнула далеко вперед, но значение подвига Юрия Гагарина не меркнет. И тем важнее для нас свидетельства людей, бывших очевидцами и участниками этого события.

Адольф ДИХТЯРЬ.
Фото
Альберта ПУШКАРЕВА

«ПОЕХАЛИ!» ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРОЗВУЧАЛО:

Вечером, когда мужья возвращались с работы, наш улей оживал. В каждой семье это проявлялось по-своему. Юрий Гагарин вечерами всегда играл с дочкой Леночкой, учил ее разговаривать, Герман Титов вслух читал своей жене романы Льва Толстого. Слышимость в казарме была превосходной... По очереди ходили в кино: кто-то должен был оставаться с детьми. Старшему из ребят было 10 лет — это был Женя Комаров.

Вскоре появился «космический» ребенок. Отец мечтал о мальчике, а родилась девочка. Это была вторая дочь в семье Виктора Горбатко.

Генерал-полковник авиации Николай КАМАНИН. Труд кандидатов в космонавты был напряженным. Аэродром,

— А шасси у вашего корабля будут? Наиболее активно задавали вопросы Владимир Комаров и Юрий Гагарин.

Валентина ГАГАРИНА. И вот — Москва, маленькая комната в помещении казарменного типа, почти без мебели. По утрам подъезжал автобус и увозил ребят. Мы, жены, знали лишь то, что ехали они в научные учреждения слушать лекции. Потом нас пригласил к себе генерал Каманин и кое-что рассказал о будущей профессии наших мужей.

Марина ПОПОВИЧ. Столы в комнатах заменяли Т-образно сложенные чемоданы и ящики с книгами. У Хруновых в основном учебники по математике и техническим наукам. Никакой мебели не было. У нас была единственная на всю «казарму» электрическая плитка, и на ней готовили пищу сообща.

Летчик — космонавт СССР **Георгий ШОНИН.** В марте 1960 года первая группа летчиков, которую стали называть отрядом космонавтов, в основном была сформирована. В нее вошли Павел Беляев, Валерий Быковский, Борис Волинов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов, Евгений Хрунов и я. Кому-то из нас предстояло первым взять на себя огромную ответственность — проложить человечеству путь к звездам.

Академик Олег ГАЗЕНКО. В небольшом здании из красного кирпича на Ленинградском проспекте в Москве я познакомился с кандидатами в космонавты. Тогда еще не было ни Звездного городка, ни Центра подготовки. На одной из первых лекций я, помню, сказал, что они перестали быть летчиками и теперь являются исследователями космического пространства, а потому им надо много читать. Ну надо, так надо: ребята сели в автобус и, взяв с собой меня, поехали в магазин за книгами.

Я пытался рассказывать им что-то о космосе, о специфике космических полетов, но, вероятно, беседы эти не были слишком убедительными.

Во всяком случае, Павел Попович недавно сказал мне, что больше всего из тех встреч ему запомнилось, как они безуспешно пробовали в подражание мне, сидя на стуле, замысловато переплетать ноги. Есть у меня такая привычка. Поскольку никому это не удавалось, то будущие космонавты ужасно хохотали.

Летчик-космонавт СССР **Виталий СЕВАСТЬЯНОВ.** Меня представили так: — Инженер Севастьянов будет читать вам курс механики космического полета.

Класс был маленький, и я хорошо помню, кто где сидел. И помню вопросы, что задавались на занятиях и в перерывах. Вопросы эти все время опережали читаемые разделы. Я рассказывал им о полете, а они спрашивали:

— Что за корабль?
Я рассказывал о корабле — они спрашивали:

— Какой двигатель?
Будущие космонавты задавали вопросы, на которые сегодня без труда ответит даже школьник.

Помню вот это:

Помню вот это:

лаборатория, классы... Самолеты, катапульты, действующие модели космического корабля... Необычные комплексы упражнений, необычные эксперименты...

Каждый день был похож на предшествующий и последующий лишь своим традиционным началом: подъем, физзарядка, завтрак. И в каждый день учебы врывалась дробь вибростендов, бешеная карусель центрифуги, перепады давления в барокамере, зной в термокамере, гнетущая тишина сурдокамеры.

23 августа началась аттестация кандидатов в космонавты. Вот, например, какая характеристика была составлена на Юрия Гагарина:

«Любит зрелища с активным действием, где превалирует героика, воля к победе, дух соревнования. В спортивных играх занимает место инициатора — вожака, капитана команды. Как правило, здесь играют роль его воля к победе, выносливость, ощущение коллектива. Любимое слово — «работать».

На собраниях вносит дельные предложения. Постоянно уверен в себе, в своих силах. Уверенность всегда устойчива. Его очень трудно, по существу, невозможно вывести из состояния равновесия. Настроение обычно немного приподнятое. Вероятно, потому, что у него юмором, смехом до краев полна голова. Вместе с тем трезво рассудителен. На-

делен беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко, работает результативно. Развит весьма гармонично. Чистосердечен. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Любит повторять: «Как учили!» Скромнен. Смищается, когда пересолит в шутках.

Интеллектуальное развитие высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объемом активного внимания, сообразительностью, быстрой реакцией. Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам. Уверенно манипулирует формулами небесной механики и высшей математики. Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, нежели некоторые из его друзей...»

С такой же вдумчивостью и вниманием к мельчайшим подробностям были составлены аттестационные характеристики на каждого из кандидатов на первый полет.

К началу весны 1961 года подготовка первой группы космонавтов была закончена. Провели экзамены. Члены экзаменационной комиссии, возглавить которую было поручено мне, остались довольны ответами первых выпускников Центра подготовки космонавтов.

Комиссия наша не имела полномочий

на то, чтобы устанавливать очередность, в которой будут уходить в космические полеты первые космонавты. Однако мы посчитали вправе высказать нашу коллективную точку зрения на этот счет. Мне, как председателю, члены комиссии поручили ознакомить с нашими соображениями Центральный Комитет партии и руководство Академии наук СССР. Вот в каком порядке шли космонавты в этом не подлежащем оглашению списке: Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов, А. Г. Николаев, П. Р. Попович, В. Ф. Быковский.

Академик Борис РАУШЕНБАХ. Тем, кто сейчас бывает на космодроме и живет там в удобных и хорошо обставленных гостиницах, не так-то легко себе представить жизнь в запыленных одноэтажных деревянных бараках.

В трех отдельных домиках, очень похожих на самые скромные из тех, что сегодня украшают пригородные садовые участки, жили некоторые главные конструкторы, в частности Сергей Павлович Королев и Валентин Петрович Глушко.

Будущих космонавтов расквартировали в двадцати километрах от производственной зоны в условиях, которые наблюдающие за ними врачи считали удовлетворительными. Молодые, веселые, они стали общими любимцами и на жаргоне космодрома назывались просто «рыбята».

Николай КАМАНИН. Больше всего космонавтов интересовали командный пункт и стартовая площадка. Сергей

Павлович Королев и хозяева космодрома ввели их, как говорится, в курс дела на всех участках стартового комплекса. Это было необходимо для того, чтобы ребята не только знали, как организуется работа на том или ином участке, но и были уверены в абсолютной надежности всей системы пуска ракеты.

Ведущий конструктор Олег ИВАНОВСКИЙ. Особое впечатление произвела ракета-носитель с космическим кораблем: космонавты впервые увидели и корабль, и ракету собранными вместе.

Павел Романович Попович, глядя на ракету, сказал: «Наверное, надоело ей возить собачонок на орбиту. Пожалуй, она сама понимает, что подходит очередь человека!»

На космодроме, помимо нас, инженеров, космонавтов встретили их давнишние знакомые — медики, далеко уже не новички в испытательных делах.

— Видели нашу путешественницу? — спросил летчиков Владимир Иванович Яздовский. — Прошу познакомиться!

Юрий ГАГАРИН. Нам показали дворняжку светлой рыжеватой масти с темными пятнами. Я взял ее на руки.

Оказалось, что у нее еще нет имени — пока она значилась под каким-то испытательным номером. Посылать в космос пассажира без имени, без паспорта! Где это видано? И тут нам предложили придумать ей имя. Перебрали добрый десяток популярных собачьих кличек. Но все они как-то не подходили к этой удивительно милой рыжеватенькой собачонке.

Олег ИВАНОВСКИЙ. В этот момент в комнату вошел заместитель Каманина, военный летчик, Герой Советского Союза. Гагарин взглянул на его грудь и, опуская собачонку на пол, сказал:

— Ну, счастливого пути, Звездочка! Все присутствующие сразу согласились с этим именем: в сообщении ТАСС пассажирка пятого космического корабля была названа Звездочкой.

Врач, первый начальник Центра подготовки космонавтов Евгений КАРПОВ. К этому эпизоду нужно добавить, что вместе со Звездочкой в космический полет отправлялся «Иван Иванович» — манекен, имитировавший космонавта. Манекен этот умел петь. И даже не на один, а на несколько голосов. Он исполнял песни из репертуара хора имени Пятницкого.

Олег ИВАНОВСКИЙ. Радисты требовали в качестве контрольного сигнала человеческого голос. Естественно, предварительно этот голос нужно было записать на бортовой магнитофон, а затем передавать по радио с борта на Землю. Но что записать? Проще всего — цифровой счет, как обычно делают связисты, проверяя свои линии. Но представьте, что какие-то радиостанции на Земле, приняв случайно с борта советского спутника голос человека и не поверив официальным сообщениям, развоняют по всему свету о том, что «русские секретно вывели на орбиту человека!» Кстати, именно весной 1961 года западная пресса настойчиво писала о том, что «Советы готовят в космосе что-то новое и грандиозное». Нет, счет не подходил. Ну, тогда песню! Скажут, русский космонавт запел на орбите. Техники же требовали только голос, и никаких других сигналов. И не помню, кто уж и предложил: «Давайте запишем хор имени Пятницкого! Голос будет, и вряд ли даже самые быстрые западные журналисты и комментаторы решатся заявить о выводе в космос целой русской капеллы!» Так и было сделано.

Корреспондент ТАСС Борис ЛУКЬЯНОВ. Американский радиокорреспондент Фрэнк Эдвар, ссылаясь на данные американской разведки, сообщил о «жертвах» русских при попытке послать человека в космос. В эфир были переданы имена «пяти несчастных жертв космоса». Оказывается даже, что «двое из них должны были лететь к Луне. Их последние слова в космосе слышали станции Турина, Джордрелл Бэнкс, Бохума».

ПРИНИМАЕТСЯ ЭСКИЗ.

СВЕТОТЕХНИКА — ОДНА ИЗ ТЫСЯЧИ ВАЖНЫХ МЕЛОЧЕЙ. БЕЗ КОТОРОЙ ТЕАТРУ НЕ ОБОЙТИСЬ.

В ЭТОЙ МАСТЕРСКОЙ ИЩУТ ПОРТРЕТЫ РАЗНЫХ ЭПОХ. НУЖНО УМЕТЬ ВЖИТЬСЯ В КАЖДОЕ ВРЕМЯ. ЕГО ВКУСЫ...

ПЛАТЬЕ ДЛЯ

Мария БОГДАНОВА.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Сколько профессий в театре? Обычно называют: актер, режиссер, художник, потом... И вот тут чаще всего наступает заминка. А ведь театру нужны люди, умеющие шить костюмы, делать бутафорию, изготавливать парики, накладывать грим. Спектакль невозможно поставить без механиков сцены. Не обойтись и без светотехники. Словом, нужны самые разные специальности. Нужна и школа, откуда можно их получить. В Москве таким учебным заведением является театральное художественно-техническое училище.

Когда проходишь по зданию училища, закулисный мир театра предстает как бы в разрезе. Здесь создаются тысячи мелочей, без которых не может состояться ни один спектакль.

Фантастической птицей чернеет переплетение перьев, вуали и бисера за стеклом выставочной витрины на втором этаже училища; рядом змеится длинное, узкое платье, покрытое синими чешуйками блесток.

Напротив выставочной витрины за дверью классной комнаты готовятся к показу своих работ студенты третьего курса костюмерного отделения. Стеклянных машинок, шорох и шелест тканей, издали кажется — бархат, парча, а вблизи и не бархат вовсе, и не парча на широких плащах и красочных платьях. Это еще одна театральная иллюзия, создавать которую учат здесь будущих костюмеров. Без их умения превращать дешевое в ценное театр стал бы разорительнейшим для государства заведением.

...Здесь царят средневековые и эпоха Возрождения. Золотисто-красным пятном среди вороха разноцветных юбок, накидок, плащей виднеется старинный мужской костюм. Он ярок и вроде бы радостен, но изобилие красного с черным едва ощутимым подцветом создает какое-то тревожное ощущение. Чей это костюм? Девушка, поправляющая «золотое шитье», отвечает: «Меркуцио». Сразу соглашаешься; да, именно такой должен быть наряд у жизнерадостного и обреченного шекспировского Меркуцио из «Ромео и Джульетты». Через несколько дней на показе в зале под нежные и глубокие звуки лютни на сцене, немного смущаясь под пристальными взглядами, будет медленно прохаживаться юноша в этом наряде, а у стола экзаменующих автор — Анна Бродо — расскажет о том, как она понимает шекспировский образ и что она хотела выразить созданным ею костюмом. И так делает каждый учащийся на показах, которые устраиваются несколько раз за семестр. Не просто шить, а придумать, выразить определенный образ — вот чему учат на костюмерном отделении.

По сцене проходят один за другим знакомые образы: мушкетер Арамис, шотландский стрелок из Вальтера Скотта и опять шекспировский персонаж — Бенедикт из «Много шума из ничего». Педагоги придирчиво сравнивают эскиз и его воплощение. Даже небольшое отклонение в пропорциях, в форме рукава или воротника, в цветовой гамме отмечается как недостаток. С самых первых шагов учащи-

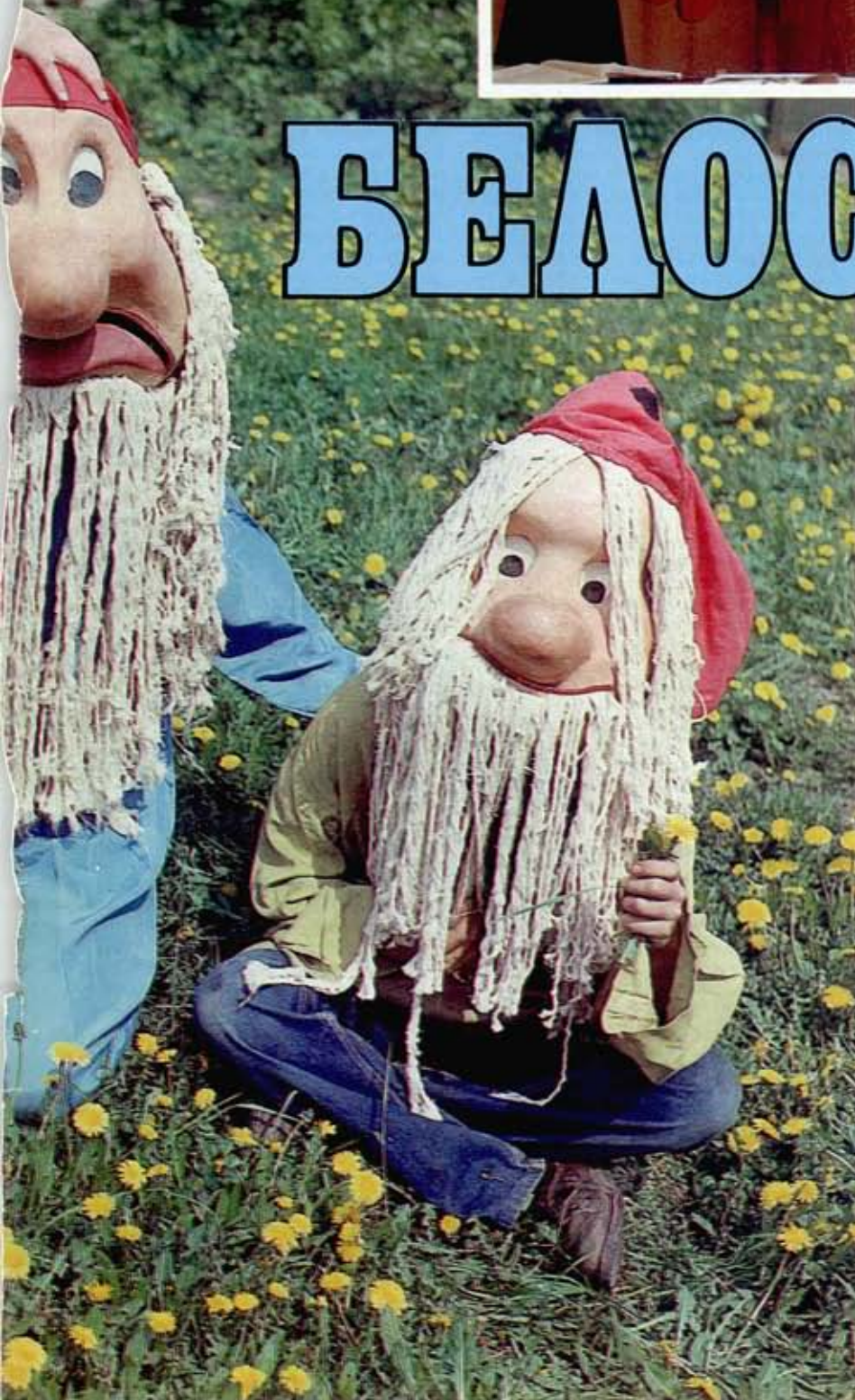
СОВРЕМЕННОМУ ТЕАТРУ НУЖНЫ НЕ ТОЛЬКО АКТЕРЫ, НО И МЕХАНИКИ, ЭЛЕКТРИКИ, РАДИОТЕХНИКИ...

КАК ВЕСЕЛО И ХОРОШО БЫТЬ ВМЕСТЕ. ПОСЛЕ ЗАНЯТИЙ СТУДЕНТЫ ЧАСТО СОБИРАЮТСЯ ВО ДВОРЕ УЧИЛИЩА, ЧТОБЫ ПОГОВОРИТЬ И СФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ НА ПАМЯТЬ.

КОСТЮМЫ ДЛЯ ЖИЗНЕ-РАДОСТНОГО МЕРКУРИО, ШЕГО ТЕАТОГА АРАМИСА... СКОЛЬКО НАСТОЙЧИВОСТИ, ТЕРПЕНИЯ И СИЛ НУЖНО, ЧТОБЫ ОБРЕЛО РЕАЛЬНОСТЬ СОЗДАННОЕ ВООБРАЖЕНИЕМ.

БЕЛОСНЕЖКИ

еся постигают, как труден путь от замысла к воплощению и сколько настойчивости, терпения и сил нужно, чтобы обрело реальность то, что создало воображение. Сцена — последний этап оценки изделия: что не уловит глаз в пошивочной, сразу видно со сцены, — все недостатки кроя, соотношения деталей... Но зато из зала не видно, что богатая парча — это подкрашенное дешевое сукно с нанесенной кисточкой художественной росписью, а выделанная кожа — специально обработанная простая ткань.

— Как на лицо наносится грим, так и костюм надо тоже «подгримировать», или, как мы говорим, «обжить», придав ему естественные и красивые оттенки, «подпаливая» его анилиновыми или масляными красками, — поясняет преподаватель Валерия Павловна Монастырева.

Менялись эпохи, менялись вкусы, менялись моды... Следуя этой смене и учаь изготовлять то, что было характерно для жизни человека в то или иное время, осваивают девушки и юноши курс за курсом выбранное ими театральное ремесло.

На занятиях третьего курса гримерного отделения учатся делать прически XVII—XVIII веков. В залитой светом комнате вдоль длинного стола расположились девушки. Их современные стрижки и распущенные без затей волосы занятию соседствуют с белокурыми париками манекенов. К концу занятия на них должны появиться два длинных локона, спадающих на шею, а венчать парик будут уже по-другому уложенные локо-

ны — в корону. Так носила волосы знаменитая графиня Косель, по ней и осталось название парика, олицетворяющего стиль XVIII века. До «графини Косель» эту комнату заполняли головки «мадам Севинье» — по имени законодательницы мод XVII века.

На последнем этаже училища царит техника. Современный театр обладает богатым оборудованием сцены, сложной радиооснащенностью, разнообразными осветительными приборами... Для работы с ними нужны специально подготовленные механики, электрики, радиотехники... Поэтому в училище есть отделения оборудования сцены, светотехническое. Здесь, на последнем этаже училища, — прекрасно оснащенные театральным оборудованием аудитории. Но все же всю сложность и размах современной театральной техники учащиеся познают на настоящей сцене, уже со второго курса приходя на практические занятия в театры Москвы. Технические отделения училища обладают той особенностью, что там в процессе обучения, помимо техники, ребята непосредственно соприкасаются с искусством. И это, по-видимому, имеет для них притягательную и благотворную силу.

Выпускники училища идут работать не только в театры. Их можно встретить и на телевидении, и на киностудии, в киноконцертных залах и проектных лабораториях. То творческое и серьезное отношение к работе, которое им привили в училище, делает их везде желанными специалистами.

НЕ УБИТЬ МОЩАРТА

Георгий ДАНИЛОВ

Главным последствием страха перед болью, последствием оплеух, шлепков, выкрученных рук и всех остальных средств семейной инквизиции является разделение мира на битых и бьющих. Когда бьющим оказывается папа, он иногда говорит: «Знай, что мне больнее, чем тебе!» Тебе хочется ему поверить, потому что вообще-то он добрый человек, и ты начинаешь понимать, что бить — это весьма драматическая естественная необходимость. Значит, важно и тебе каким-нибудь образом попасть в категорию бьющих, значит, надо найти подходящий объект. Взгляд падает на братишку, это несносное существо, которое никто еще пальцем не трогает, а все только ласкают, даже если он прольет суп или разобьет тарелку. Раз — оплеуху братишке, раз — еще одну. Он ревет, ему больно, как и мне, он бежит к маме жаловаться.

— Это ты его ударил?

— Я.

— Почему?

Чистосердечный ответ был бы: потому что вы бьете меня. Но матери это не приходит в голову, и, поскольку я молчу, она отпускает мне затрепину мокрой от посуды рукой.

Первые уличные драки. Первые победы и поражения. Сколько ненависти и зависти застывает после них в детских глазах, когда успевают высохнуть слезы! Ненависть к более сильному сочетается с торжеством над беззащитным.

И вот какой-нибудь почтенный седовласый гражданин останавливается на тротуаре и говорит назидательно:

— Как вам не стыдно так драться? Ученики!

Дети не обернутся и не скажут ему: — А вам не стыдно было нас бить? Учителя!

Разумеется, наивно было бы верить в то, что если детей перестанут бить дома, тут же на улице и в школе наступит мир. Невозможно пренебречь природой, историей, летописью войн и человеческих столкновений. Это означало бы забыть и о кино, и о телевидении, и о книгах, в которых мальчишки жадно поглощают батальные сцены. Конечно, они будут подражать героям, будут разбиваться на враждующие группы, пускать в ход кулаки, но в этом будет гораздо больше элемента игры, меньше будет злобы и удовольствия от того, что ты причинил боль.

Даже если в каждом мальчишке кроется воин, воспитание должно содействовать тому, чтоб он не слишком часто напоминал о себе. Поля сражений в области духа могут принести не меньше славы. К этому можно прийти, если элемент насилия будет искореняться как в нашем отношении к детям, так и во всей культуре, которая их окружает. То, что мальчишки с удовольствием играют в войну в индейцев, не страшно. Они создают свои правила игры, которые допускают немедленное воскрешение убитых и не разрешают боли и истязания. Классический вестерн в значительной степени построен по правилам честной детской игры.

Фольклор, сказки, предания изобилуют символами добра и зла, в них живут добрые и злые феи, добрые и злые волшебники, колдуньи, змеи, русалки, лешие. Народная фантазия неисчерпаема, а дети любят все фантастическое, любят за то, что оно легко входит в их мир, где воображение играет первостепенную роль, где причинно-следственные связи еще не иссушили действи-

тельность, где каждый предмет может преобразоваться, каждая деревяшка — превращаться в корабль, потом в автомашину, потом в сани, потом в человека, но никогда — в щепку для растопки. Конкретные игрушки, которые мы им дарим, — паровозики, пароходики и т. д. — не особенно нужны, они привлекают детей только своей миниатюрностью, только этот элемент невероятного их забавляет. Практицизм приходит с возрастом. Именно поэтому дети любят сказки, в них всегда должно происходить что-то невероятное, что-то невозможное, дети не переживают драмы, которую у Камю переживает Калигула, который хочет невозможного. Оно у них есть. То, что в сказках справедливость и добро всегда побеждает, тоже означает, что в твоём распоряжении невозможно.

Мы просто не обращаем внимания на то, какими путями осуществляется иногда победа добра. Поэтому и многие из сказок, которые мы читаем детям, оказываются прежде всего историями о насилии, где победа присуждается добру как бы нехотя, как бы для порядка. Именно такова большая часть популярнейших сказок братьев Гримм. Я остановлюсь только на самой известной — на сказке о Гензеле и Гретель. Она получила широчайшее распространение, пересказана почти на всех европейских языках, по ней написаны пьесы, Гумпердинк сочинил оперу, ее танцуют в трогательных балетах, а по сути, это жестокая история, которая своей яркостью ослепляет нас и мешает разглядеть сомнительные ценности, которые в ней заложены.

У одного вдовца было двое детей, мальчика звали Гензель, девочку — Гретель. Вдовец решил жениться второй раз, и досталась ему злая жена. До этого момента все идет в реалистическом плане. Потом жена начала предъявлять разные требования и, поскольку хлеба в доме не хватало, посоветовала мужу отвести детей в лес и оставить их там, вернее, оставить их на растерзание диким зверям. Добрый отец со слезами на глазах согласился. Читатель-ребенок обычно не обращает внимания на эту важную деталь в характере отца, ребенок склонен к всепрощению. Гензель, однако, имел привычку подслушивать и понял намерения родителей. Проявив изобретательность, он запасся камешками и отмечал ими путь, по которому их вели детоубийцы. Благодаря этому дети вернулись домой, обрадовав кающегося отца и разозлив мачеху. Она, разумеется, не успокоилась и опять уговорила отца отвести детей в лес. Он опять согласился со слезами на глазах. Мачеха каким-то образом поняла фокус с камешками и предотвратила его повторение, заранее заперев Гензеля. Мальчик сумел зализаться только крошками, но лесные птички склевали крошки, и план родителей был выполнен. На радость детям и для того, чтобы сказка могла продолжаться, дикие звери в лесу не появились, но зато их ждали еще большие ужасы. Прежде всего появилась красивая белая птица, которая оказалась не символом добра, а провокатором. Она повела детей за

собой, и так они подошли к прелестному сахарному домику. Здесь в сказке появляется невообразимое и невозможное: сахарный домик, который не тает ни от каких дождей. Гензель и Гретель были так голодны, что тут же начали расправляться с домиком. Только Гензель взялся за крышу, как оказалось, что домик принадлежит старухе-людоедке. Еще одно чудесное сказочное несоответствие — во вкусном домике живет злая колдунья. Она живо схватила несчастных детей. Теперь им предстояло быть съеденными. Ан нет! Выяснилось, что у старухи изысканный вкус. Гензель показался ей слишком тощим, и она решила откормить его, а Гретель использовать как служанку.

Вообще с девочкой старуха была любезнее по каким-то неясным людоедским соображениям. Она заперла Гензеля в свинарнике и стала обильно его кормить. Каждое утро она проверяла, готов ли он к употреблению, но мальчик водил ее за нос, протягивая ей вместо своего пальца какой-то прутик. Колдунья была очень близорука, но, видимо, из суетности не носила очков и потому не поняла обмана. Она все ждала и ждала, ждет и встревоженный ребенок, которому читают сказку, и не задает себе вопроса, что все это время ела старуха. Можно предположить, что вместе с Гретель они ужинали кнедликами или чем-нибудь еще вегетарианским. Наконец старухин аппетит взыграл, и Гензель, готов он был или не готов, настала пора быть съеденным. Старуха наточила нож, велела Гретель растопить печку, и поскольку ее нетерпение превратилось в истерию, сама полезла в печь, чтобы проверить, подходящая ли в ней температура. Тогда девочка самоотверженно захихала ее в печь, хладнокровно закрыла заслонку, и таким образом сама старуха изжарилась в назидание всем обжорам-людоедкам, доверяющим своим клиентам. Остается неясным, съели ли Гензель и Гретель зажаренную старуху, что соответствовало бы стилю сказки, но братья Гримм об этом умалчивают.

Маленький слушатель переводит дух, справедливость восстановлена, но нас ждут еще приятные неожиданности. Дети вдруг обнаруживают, что у ведьмы была целая куча бриллиантов. Ни минуты не колеблясь, они прихватывают с собой все старухины сбережения. Потом дети шли, шли и вдруг наткнулись на отцовский дом, где их поджидал добрый папа. Тем временем и с ним случилось то, что бывает только в сказках, — его злая жена предусмотрительно померла. Увидев, что его пропавшие дети возвращаются, отец расплакался, обнял их, а увидев бриллианты, расплакался еще пуще, и с тех пор все трое зажили так счастливо, что счастливее и быть не может.

Такова сказка. Она содержит в себе немало поучений. Если не хочешь быть зажаренным, жарь сам! Если хочешь разбогатеть, пошли своих детей на съедение волкам. Не верь сахарным домикам, в них живут злые ведьмы!

Да простятся мне моя пристрастность и мои преувеличения, но, как я ни стараюсь найти какую-то нравственную

глубину в этой истории о родителях, которые со слезами ведут своих детей на заклание, о социальных трагедиях, которые разрешаются с помощью чужих бриллиантов, и об этом символе зла в сахарном домике, который был побежден чуть ли не его собственными средствами, мне это не удается.

Сказка братьев Гримм может послужить сценарием для великолепного фильма ужасов. Для этого достаточно режиссуре подобрать два невинных детских личика и усилить всякими натуралистическими деталями сцену подготовки каннибализма.

Разумеется, эта сказка переживает мое отрицание и будет продолжаться читаться. Прежде всего она великолепно рассказана. Многокрасочная и волнующая, она хватает тебя за горло и больше не отпускает. И все же для меня она лишь примечательное доказательство того, как глубоко насилие пустило корни в сознание людей, как естественно оно принимается, так, что мы даже его не замечаем, когда оно подается под вкусным соусом, и спешим приобщить к нему и наших детей.

Совсем другое дело — Ханс Кристиан Андерсен. Он был первым, кто сумел сделать человечность основной темой своих сказок. Он показал, что печальный конец — это не всегда плохой конец, потому что слезы сочувствия и сострадания стоят намного больше, чем придуманная счастливая концовка. Грусть, которой ребенок откликнется на судьбу маленькой продавщицы спичек, имеет большую ценность, чем радость, которую мы испытали бы, если бы великий рассказчик превратил рождественское видение своей героини в реальность. В маленьком блестящем сердце храброго оловянного солдатика, оставшегося в пепле очага, больше любви и героизма, чем в мече, который отважно режет головы нескольким сотням змеев.

Оскар Уайльд, как никто другой, сумел связать представление о добре и красоте в сказочное единство. И дети прекрасно понимают, почему счастлив ослепший Счастливый Принц. И почему великан-эгоист попал в рай и смерть его не трагична.

Некоторые, вероятно, думают, что если в сказке нет насилия, нет сражений, нет героев, раненых и убитых, интерес ребенка ослабевает. У них есть основания так думать, но такие книги, как «Винни-Пух», многие из сказок Андерсена, опровергают подобные соображения. И как не назвать здесь и лучшую сказку, рассказанную в нашем столетии, сказку о Маленьком принце. То, что эта чистейшая книга со своей тоской по добру и счастью человеческого общения коснулась сердец людей всей нашей планеты, само по себе вселяет надежду на будущее.

Как-то один пятилетний мальчик проснулся, рыдая, в своей кровати. Его душил необъяснимый ужас. Ни объятия, ни успокоительные слова родителей не помогали. Случайно отец увидел рядом с кроватью детский журнал с медицинским уклоном, но сын еще не умел читать, и отец бросил бы журнал, если

Продолжение. Начало в №№ 5, 6.

бы не заметил на его страницах комикс следующего содержания: первая картинка—ребенок, которого кормят с ложки. Вторая картинка— тот же ребенок с раздутой щекой. Третья картинка— тот же ребенок перед нетронутой тарелкой с едой. Четвертая картинка—могила, и на могильном холмике— та же полная тарелка.

Художник этого комикса и редакторы журнала, которые исходили из лучших намерений—заставить детей есть, угрожая им смертью,—не были отданы под суд. В уголовном кодексе нет такой статьи, по которой суду подлежали бы все, кто насаждает в детскую душу страх, а ведь должна бы быть.

Пятилетний мальчик, о котором я говорю, по несчастному совпадению тоже плохо ел и, рассматривая перед сном это чудо педагогики, понял, что его ждет. Отец порвал и выбросил журнал, мальчик постепенно пришел в себя, но всю ночь спал беспокойно, и в нем навсегда поселился страх. Лучше есть после этого он, разумеется, не стал. У детей это не зависит от их воли, и единственный эффект упомянутых картинок в журнале был тот, что ребенок без всякой нужды и не вовремя столкнулся с мыслью о собственной смерти, и даже еще хуже—с мыслью о возможной преждевременной смерти. В таких случаях родителям задаются страшно неудобные вопросы, они попадают в очень трудное положение.

Когда я был совсем маленьким, умер от воспаления легких соседский мальчик, с которым я иногда играл. Я это понял, от меня не могли скрыть ни кислородные подушки, которые вносили в их квартиру, ни плач родителей, ни некрологи на дверях. Моего маленького товарища не стало. Скорбь—такая, какую испытывают взрослые,—маленьким детям незнакома. Они не тоскуют по мертвым, потому что не успели еще полюбить живых. Но встреча со смертью запечатлевается в их сознании.

- Все люди умирают, правда?
- Правда.
- А ты умрешь?
- Умру.
- А я?
- Что ты спрашиваешь глупости!

Мы пытаемся уйти от ответа, но это нам не удается. Ребенок добивается ответа, а получив его, спросит: «Когда?»—«Когда ты состаришься!»—«Как дедушка?»—«Как дедушка». Это в какой-то степени успокаивает, так как ребенок не может представить себе, что он когда-нибудь станет таким, как дедушка, для него эта возможность—абстракция. Но иногда задаются конкретные вопросы:

— А почему умер Дарчо, он ведь ребенок?

Что можно ответить на подобный вопрос? Не знаю. Ребенок не в состоянии рассуждать философски. Разве удовлетворит его ответ, что смерть детей—это одна из извечных несправедливостей этого мира? А что еще ему сказать? Может быть, единственный спасительный, но не всегда надежный путь—внушить ему, что и это он поймет позже. Впрочем, обычно дети принимают смерть других естественно и философски, если определять философию по Джерому Джерому как науку о том, как легче переносить чужие страдания.

Страх смерти не может быть основой всего человеческого, но он остается основой всех страхов. Смерть запрограммирована в каждом живом организме, и всегда приходит час, когда ребенок осознает ее неизбежность.

Один мой приятель, получивший в раннем детстве религиозное воспитание и каждый вечер перед сном читавший молитву, вспоминал, как он сам переделал ее и заканчивал словами: «И пусть я никогда не умру, и мама никогда не умрет, и папа никогда не умрет...»—пытался перечислить остальных близких, но, опасаясь, как бы

кого не пропустить, выработал обобщение: «И пусть все никогда не умрут!»

У детей есть чувство справедливости. Запугивание—в наше время весьма распространенный метод воспитания, при этом не имеет значения, чем будет вызван испуг, для этого используется все разнообразие «животного и растительного царства», фантастических и полуживотных существ, конкретных административных личностей. Злой волк и дядя милиционер символизируют одно и то же—страх.

Мы, взрослые, вероятно, не вполне отдаем себе отчет в том, как вредно использование страшлищ не только для детей, но и для нас самих. Моя бабушка была добрым человеком и не пыталась придавать героям своих сказок страшных черт. Но эффект был тот же, потому что образ-то творится детским воображением. Самое безобидное последствие всего этого—то, что напуганный ребенок боится оставаться один в доме и тем самым создает родителям немало трудностей и неудобств.

Чавдару уже шесть лет, но он ни на миг не хочет остаться один. Его родители уверяют, что ничем его не запугивали, но мальчик достаточно общается с бабушкой, так что этот случай нельзя рассматривать как чистый. Однажды вечером, когда Чавдар уснул, родители решились на подвиг и пошли в гости в другой конец села. Чавдар остался совсем один в большом доме. Через два часа он оказался у соседей—в страшной тревоге он искал маму и папу. Он осмелился в непроглядную ночь выйти в почти безлюдное село, перейти улицу, по которой все двигаются лишь с фонариками, и разбудить соседей. Лежать одному в своей кровати для него было страшнее, чем пуститься в какое угодно ночное приключение.

Уверенный в том, что символы страха могут быть самыми невинными, я проделал со своим сыном маленький глупый

опыт. Ему было три года, когда я пригрозил ему не чем-либо иным, а Синичкой-невеличкой. Конец! Синичка-невеличка превратилась в самое страшное создание, трехлетний малыш широко открыл глаза, качал головой и шептал: «Синичка-невеличка, Синичка-невеличка!»

К счастью, я вовремя понял, как я сглупил. Однажды я позвал мальчика в сад:

— Иди, я покажу тебе Синичку-невеличку.

Он не решился подойти ближе. — Иди, дурачок!—Родители часто употребляют эпитеты, которые больше подошли бы им самим. Я взял сына за руку и показал ему маленькую птичку. — Вот это Синичка-невеличка!

Он был чрезвычайно озадачен и поверил не сразу. Робко шагнул к птичке. Она, разумеется, сразу улетела. Синичка-невеличка испугалась мальчишка. Это на него хорошо подействовало. Мальчику было четыре года, когда мы начали оставлять его одного, и хотя бы в этом отношении он не создавал нам никаких проблем.

Я не скажу ничего нового—страх должен быть изгнан из мира ребенка. Это первая забота воспитателя. Надеюсь, никто не хочет, чтоб его ребенок стал завтра ущербной личностью, склонной к рабскому повиновению, лишенной веры в себя. Чиновником, который терпит своего тупого начальника, человеком, который не смеет говорить правду в глаза. Патриотизм исчерпывается в застойной похвальбе. Этого не хочет никто, но для того, чтобы наши дети были действительно свободными людьми, принявшими великую мысль о свободе как об осознанной необходимости, они должны быть прежде всего освобождены от страхов, которые они сами несут в себе.

Перевела с болгарского Ника ГЛЕН.

Молодежная мода

Егор ЗАЙЦЕВ,
художник-модельер.
Фото Владислава ЛОКТЕВА

В основу создания представленных на этой странице «Смены» модели легли конструктивные традиции народного русского костюма и цветосочетания, характерные для современного спортивного стиля. Комплекты состоят из трех-четырех вещей: у мужчин это нижняя и верхняя рубашки, брюки и головной убор, у женщин — рубашка, туника (или длинный жакет), юбка и косынка. Все эти вещи бесподкладочные, что облегчает их изготовление. Обтачки и подборта закрепляются отделочными строчками. Допустимо использовать в качестве отделки швы, выпуская их налицо и настрачивая. Крой — плоскостной, геометрический. Отсутствие всевозможных вытачек и отрезных деталей придает моделям характерную для современной молодежной моды объемность. Брюки тоже остаются свободными, чуть зауженными книзу, с несколько завышенной линией талии.

Хотите выглядеть нарядно?

Застежка плечевых изделий такая же простая, как и крой, — узкие, отделанные контрастным кантом щели с навесными петлями на пуговицу.

Материалы могут быть самыми разнообразными: чистый хлопок или хлопок с химическими пропитками (плащевая ткань), лен и лен с лавсаном, а также комбинация различных фактур. Для усиления яркого декоративного эффекта можно настрачивать разноцветные геометрической формы остатки или выпады этих тканей (аппликация).

Группа демисезонной молодежной одежды представлена ставшими уже традиционными стегаными куртками и полупальто, только теперь они менее «дутые» и реже простеганные. Эти вещи многим понравились: они легки, теплы, просто чистятся. К тому же любая такая модель значительно дешевле, чем шубы и шубки из мехов и кож. Все чаще к традиционным материалам (болонья, нейлон, плащевая ткань) стали добавляться в качестве отделки вельвет, искусственная кожа. От легких бесподкладочных комплектов стеганые изделия заимствуют нагруженность деталями, внутреннее инкрустирование.

ВЯЧЕСЛАВ И ЕГОР ЗАЙЦЕВЫ
ПРЕДЛАГАЮТ ДЛЯ ВЕСНЫ И ЛЕТА.

Борис ОЛЕЙНИК

Когда секиру ядерной породы
Уже заносят за твоим плечом,
Предупрежденье:

«Кто пришел с мечом...»,

Остереженья:

«Не простят народы...»

И даже упования на то,
Что от расплаты не уйдет никто,
Становятся красивыми словами,
Которые убийца, как пальто,
Стряхнет и сядет

у прицельной рамы.

Святое слово... Но диктует время,
Что слово лишь тогда

обрящет смысл,

Когда дела выходят на арену.
Ведь истину нам уяснить не вредно:
Мы над такую пропастью сошлись,
Что о «потом» и думать откажись:
Идут убийцы...

Так за дело, люди,
Чтоб уцелели те, кто их осудит.

Перевел с украинского
Николай КОТЕНКО.

Ирина ВОЛОБУЕВА

Хотя не видимся годами,
Хотя не сказано всего,
Влюбленность взглядов

между нами

Уже переросла в родство.

Судьбы нещедрое участие,
Преграды вечной не избыть!
И все же даже в этом счастье
Друзьями по разлуке быть!

Весенний снег

В солнце золотисто-рыжем,
Озорно беря разбег,
Ты летишь,

летишь на лыжах,

Полосуя плотный снег.

День с земли до неба светел.
И тебе в той тишине

Что нашептывает ветер?

Может статься, обо мне?

Может быть, нежданность грусти

На пути сейчас твоим,

Как вон тот еловый кустик

За нахохленным холмом?

Или взгляд мой, мой разлучный,

Может быть, тебя томит,

Как вон тот несмелый лучик

Меж заснеженных рамок?

Мысли, может, птичьей стайей,

Может, в сердце перебой?

...А весенний снег, он тает,

Тает бело-голубой.

Тает, искристый до дрожи...

И, летя навстречу дню,

Не успеешь, не проложишь

До моей души лыжню.

Все при мне: ошибки и огрехи,

Но в душе я радуюсь тому,

Что чужую радость и успехи

Собираю в сердце, как в суму.

Тяжела как будто ноша эта,

А на деле облачно легка!

С ней на белом свете больше света,

Золотистой венчик огонька.

Меньше с ней усталости в дороге,

И удачливей все начинанья дня,

И надежда явней, что в итоге

Будет радость также у меня.

И, конечно, очень может статься,

Радостей моих не разделя,

Моему чудачеству дивятся

Недруги, а может, и друзья...

И ВИДИШЬ СВОЙ КРАЙ

Фото
Александра
ГРАДОБОВЕВА

Знакомый
голос

Сколько напевности, плавности в мелодии народной песни... А как волнуется ее слово!.. И это понятно: в ней — наша история, жизнь, мы сами...

Татьяна Петрова поет русские народные песни. Они — в душе у нее, они — из детства, которое прошло в небольшой уральской деревушке. Деревня славилась певуньями. За околицей собирались самые голосистые. На работу с песней ходили. С песней же и возвращались. А в праздники пели особо. Песни, к каждому случаю веками выверенные: хороводные, свадебные, игровые, застольные... И печалилась рябина, одиноко качающаяся на ветру, и кручинилась девушка, расставаясь навсегда с милым, и коварный изменник получал по заслугам от оскорбленной любви, и ворон черный предрекал последние деньки атаману, и грустно, до срыва, звенела бесшабашная удаль ямщика...

Голос оказался у Татьяны Петровой под стать этим народным песням. Чистый, удивительно светлый голос. Сильный. И краски в нем разные. А звучит он как бы только для тебя одного, спокойно, сердечно.

Училась Татьяна Петрова в Москве, в музыкальном училище имени М. М. Ипполитова-Иванова. Первый педагог ее — Елена Константиновна Гедеванова.

Приходилось упорно работать. Природа дает многое, но не все. Часто талант тускнеет, не раскрывается. И сколько нужно упорства, силы приложить, чтобы не растерять, а приумножить данное природой. «Через руки» Гедевановой прошло много певцов. И многие стали известны и любимы нами: Людмила Зыкина, Александра Стрельченко, Татьяна Петрова...

Множество песен хранится в далеких деревнях Архангельской, Белго-

родской, Костромской, Брянской областей. Как хранятся в сундуках рушники со старинной вышивкой, из тканого полотна рубахи, юбки. И тоже с вышивкой. У каждой — свой узор. Редко вытаскиваются они на свет, так же редко поются и старинные песни. Ездил Татьяна Петрова по этим деревням. Слушала, записывала, отмечала характерную манеру исполнения. И появились в репертуаре певицы частушки, календарные и лирические песни Урала, русского Севера, Нечерноземья.

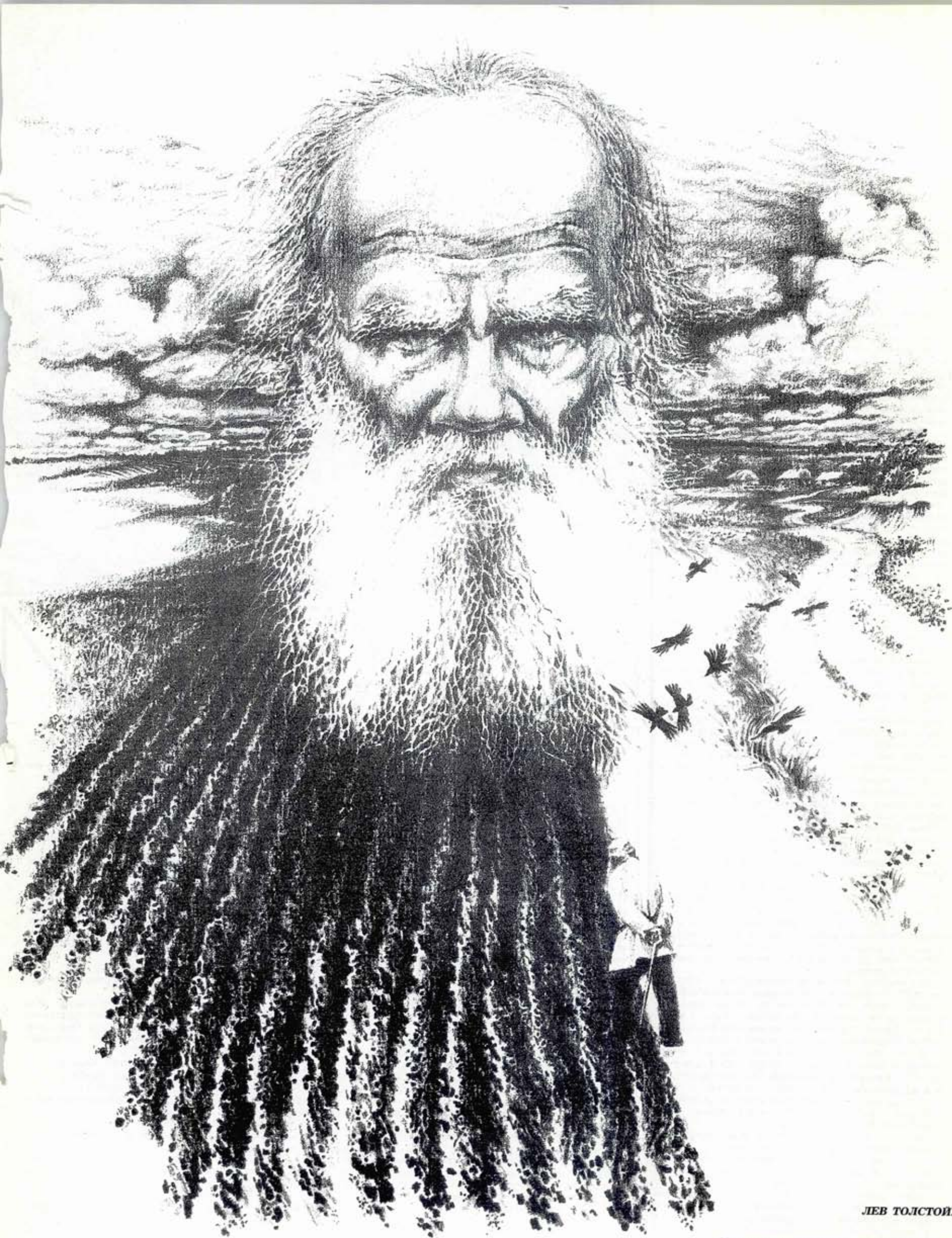
Когда поет Петрова, ее песня становится буквально зримой. Поет «Ах ты, Волга!», и синь воды могучей реки перед нами. Слушаешь и видишь свой край, свой дом, Отечество, Россию.

Слушаешь народную песню.

Анатолий СМЕРНОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ.

Художник Юрий СЕЛИВЕРСТОВ

смотрит и осуждает, неизвестно за что. Мне стало неловко, к нам, детям, подсел Толстой на диван, ничего не сказал, встал, тихо вышел. Так же он подсаживался к дамам, вставал и тихо шел дальше, а то быстро он проходил, нигде не останавливаясь.

У меня потом осталось странное впечатление. Мне казалось, будто Толстой не живет у себя в Хамовниках, а только проходит мимо: мимо стен, мимо нас, мимо лакеев, дам, — выходит и входит. Лев Николаевич так и остался для меня прохожим на толстовских субботах. Он вносил с собой что-то большое, иное, нам чужое: свою гениальную жизнь проносил он мимо нас, а мы не видели этой жизни. Мы ощущали одно неловкое молчание, заговаривали зубы. Это хождение Толстого по дому стало теперь для меня хождением символическим, ходил в Москве среди нас, ходил у себя в Хамовниках; присел в Ясной Поляне и, наконец, ушел.

Нет, помню его и сидящим... у себя в кабинете. — К отцу ходить нельзя, — предупреждали нас, поливановцев, но мимо открытых дверей кабинета пробегали мы с шумом. Там увидел раз я сидящего Толстого, оттуда раздавались оживленные голоса. «Это толстовцы», — наивно подумал я.

Раз мы играли в прятки. Александра Львовна должна была нас искать. Мы придумали спрятаться там, где нас никто не отыщет. Дверь в неосвещенный кабинет Льва Николаевича оставалась открытой, тихонько мы туда забрались. Здесь разместились мы в темноте на диване, ковре, под столом в непринужденных позах: кто с поднятыми ногами, кто с раскинутыми руками, гимназические шутки повисли в воздухе. Вдруг в двери вспыхнул свет, там колебалась свеча, в желтом дрожащем свете выставилось освещенное лицо да большая-большая борода: Лев Николаевич стал на пороге комнаты, мгновение он постоял, угрюмо глядя перед собой, быстро-быстро прошел, поднимая свечу, зорко окинул Толстой комнату, не улыбнулся, поставил свечу, сел, сложил руки, устремив взор прямо перед собой. Мгновенно оборвались шутки, водворилось молчание. Мы продолжали лежать и сидеть в самых невозможных позах. Тягостного молчания никто не нарушил; мы застыли, пригвожденные взглядом Толстого. Лев Николаевич обратился к Сухотину, будто ничего особенного не произошло:

— Отец где? На земском собрании? Начался принужденный разговор, остальные молчали. Александра Львовна проходила не раз мимо дверей, не решаясь войти, она думала, что у отца гости.

Наконец мы вышли, несколько сконфуженные. Толстой продолжал сидеть за столом перед зажженной свечой со сложенными руками. Больше я его в этот вечер не видел.

Строго Толстой относился к музыке. В статье «Что такое искусство» он считает, что даже у Бетховена годны только выборки. Хочется поэтому подчеркнуть, что он всякую серьезную музыку слушал внимательно. Раз как-то Сергей Иванович Танеев заиграл, кто-то обратился к Толстому с вопросом. «Постойте: я не могу говорить». И, сделав невольный жест рукой, будто отмахиваясь от слова, он подошел к роялю, и долго сидел у рояля он с опущенной головой. Надолго запомнилась большая, серебряная голова великого старца, склоненная в звуку.

Другой раз на лестнице собралась молодежь, раздались звуки гитары, хор затянул цыганскую песню. Толстой вышел из столовой, долго стоял на пороге у двери и слушал.

— Как хорошо! — сказал он, возвращаясь к гостям. — Как молодо! — И пленительная улыбка осветила строгое его лицо, глядящее мимо — мимо всего.

Толстой всегда глядел мимо либо, глядя в упор, глядел сквозь человека. Такое по крайней мере я вынес впечатление, комнаты казались меньше в его присутствии, речи казались пошлыми, телодвижения — скованными.

Да и понятно: полевой великан чувствовал стесненным себя в городских стенах среди людей общества, теперь я знал, что не на нас он глядел, когда он глядел на нас, а сквозь нас, сквозь стены — в поле. Мы его только стесняли, что он мог сказать окружающим? Окружающие его замыкали в тюрьму.

От нас, мертвых и пошлых, его тянуло к иным, живым. В обществе средних людей, дам и довольно пошло остривших поливановцев Толстой производил впечатление великой тяжести, но разве не были тягостным молчанием для него речи окружающих.

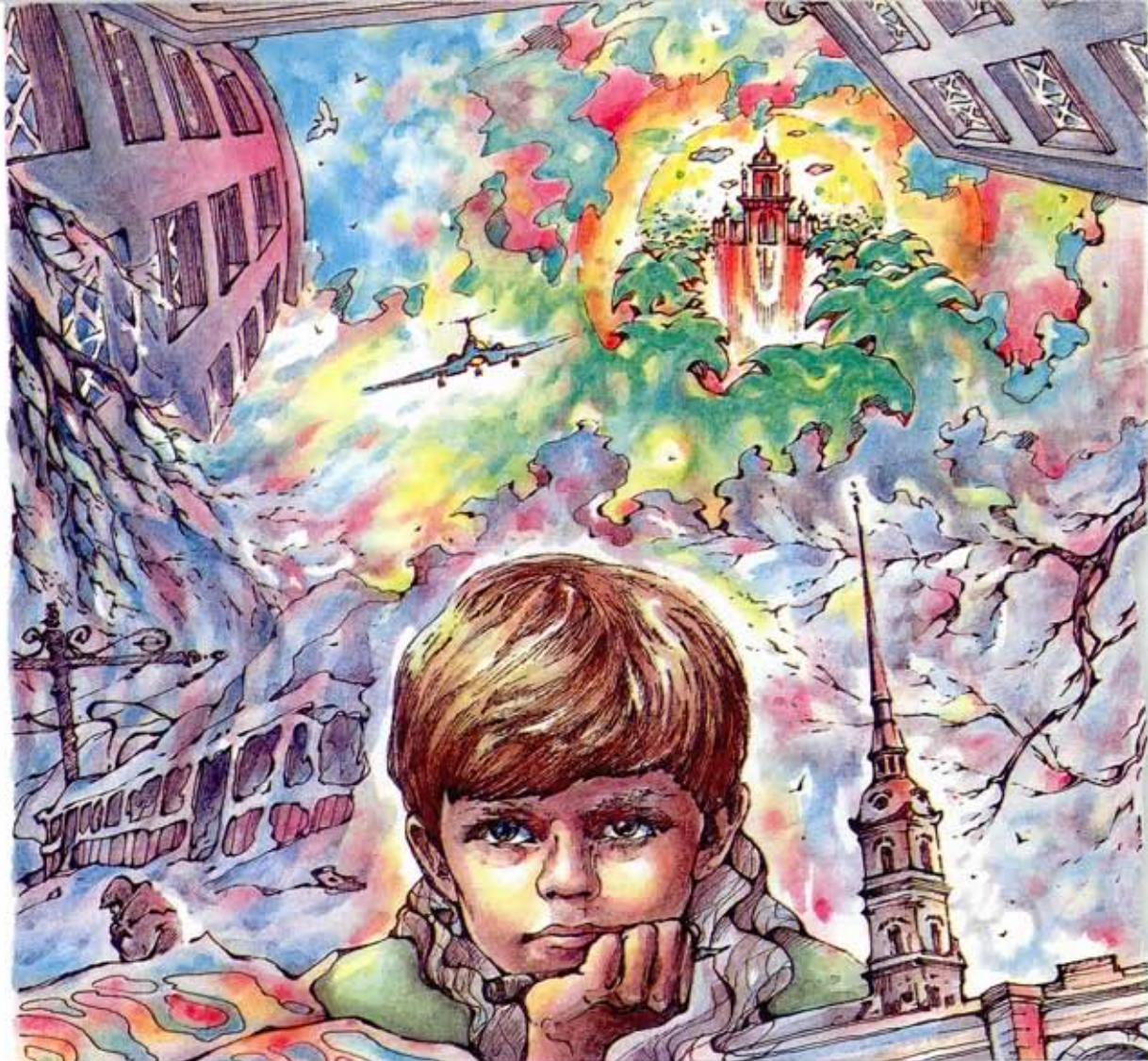
Многие годы тянулось тягостное молчание это и окончилось лебединою песнью.

Лебединая песнь Толстого не слово вовсе: это жест высшего величия, доступного человеку.

Уход и смерть Толстого — самое гениальное слово самого гениального человека. Тягостное молчание разрешилось благостным словом.

Только один год я бывал у Толстых. Мы скоро разошлись с Михаилом Львовичем, к тому же он вышел из поливановской гимназии.

Вскоре Л. Н. Толстой переехал в Ясную Поляну, и я его уже больше не видал последние пятнадцать лет.

КОРОТКИ

Словно вода сквозь камни...

амилия у нее была Шавейко. По имени ее никто не называл; все Шавейко да Шавейко. В нашем блокадном седьмом классе она выглядела самой неприметной: свалывшиеся волосы под серым вытертым платком, бесформенное пальто, перешитое из материнского, на ногах зеленые гамашы с желтыми заплатками. Лицо, словно замороженное, с темными пучками глаз. Мы в юношеской неосознанной жесткости ее просто не замечали. Впрочем, когда учитель задавал какой-нибудь каверзный вопрос, обязательно раздавалось:

— Шавейко знает! — В этом заключалось высшее проявление остроумия. Случалось, преподаватель попадался на нашу уловку и одобрительно подхватывал:

— Ну, отвечай, Шавейко!

Девочка неуклюже вставала, хлопая крышкой парты, пунцовела и со слезящимися глазами тихо выдавливалась:

— Я не знаю.

Находился остряк, который восклицал:

— Правильно, только погромче, Шавейко!

— Да, погромче! — поддерживал учитель.

И тогда, страдальчески морщась, она вскидывала на учителя затравленно глаза и произносила громко:

— Я не знаю.

Однажды я оборвал товарища, обижавшего Шавейко:

— Хватит! — И тот непонимающе развел руками.

Возле моего дома приотился небольшой сквер со скамейками. Выйдя как-то поутру из дома, я увидел сидящую с книгой Шавейко. Она устала в книгу, словно была малограмотной. Обойти ее я не мог, поэтому вынужденно поинтересовался:

— Ты здесь живешь?

— Нет, читаю, — невпопад ответила девочка.

— И что же ты читаешь? — насмешливо спросил я.

— О приключениях Томаса Сойера, написал американский писатель.

— Ты гляди-ка! Американцы наши союзники, — покровительственно заметил я. — И интересно?

— Очень! — радостно кивнула головой девочка. Наше литературное образование осуществлялось в ту пору замедленно. Библиотеки не работали. И мы довольствовались случайными книгами.

— Хочешь, я тебе дам почитать, — осмелилась Шавейко.

Завязывать какие-то отношения с Шавейко мне не желалось, но прочитать американца казалось заманчивым.

— Разве что на два дня, — снизошел я. Марка Твена я проглотил за ночь, читая тайком на кухне при керосиновой лампе. В классе, когда мы остались одни, я поблагодарил Шавейко и возвратил ей книгу. Глаза у нее загорелись, отчего из темных стали зеленоватыми.

— У нас много книг. Хочешь еще?

— Нет, нет! — отмахнулся я, опасаясь укреплять связи с Шавейко.

Через две недели я дежурил по классу. Мне следовало явиться на час раньше и подготовить учебную комнату к уроку. Каково же было мое изумление, когда, открыв дверь, я обнаружил Шавейко.

— Проснулась рано и решила тебе помочь.

— Никто тебя не просил! — резко обрубил я.

Я скинул куртку, взял тряпку и, злясь, стал вытирать доску. Тряпка была грязная и лишь размазывала меловые полосы по доске.

— Черт возьми! — выругался я.

— Ты намочи, — тихо подсказала Шавейко.

— Без тебя знаю!

— Я пойду? — спросила она. «А чего ей уходить, — впал в раздражение я, — коли завилась, пусть и возится, благодетельница!»

— Чисть! — приказал я.

Шавейко натирала шваброй пол, а я наводил порядок на подоконниках и классной доске. Я не смотрел на Шавейко, стараясь создать впечатление,

Антис КАНАКИС
(Кипр)

В этом возрасте

Именно в этом возрасте победил
все свои комплексы.
Говорил с нею свободно.
Не стеснялся
держаться ее руку
и целовать на улице.
И твердо говорить, когда надо:
«Это мое мнение,
я на этом настаиваю».
Именно в этом возрасте
оказался на передовой
с оружием в руках.
Не вернулся.
Годы прошли.
Она разделила
жизнь свою с другим.
Родила детей.
Волосы поседели.
Но часто она
закрывается
в своей комнате
наедине с ним —
он улыбается с фотографии
и остается в том же возрасте.

Убейте меня

Когда убийцы придут,
я скажу: — Убейте меня,
если слов боитесь моих,
оружия нет у меня.
Но не трогайте детей
и мою жену,
иначе молния моей любви
расколет вас
пополам.
Иначе пламя моей любви
вас испепелит
и от вас останется только
ваше оружие,
блестящее сквозь пепел.

Когда ты уйдешь

Когда ты уйдешь,
я брошусь тебя искать
среди деревьев,
в траве
и цветах.
В звездных небесах.
Буду тебя искать
в книгах,
на улицах,
на перекрестках,
где мы играли, где вместе
были подростками.
Буду искать в толпе тебя,
двадцатилетнюю девушку
с гвоздикой в руке.
В озерных водах
буду искать
твои голубые глаза.
И, если не найду тебя,
темнота печали
тесно обступит меня,
потому что мой бедный,
маленький стих
не может вместить тебя.

Деревья

Деревья
наблюдая нас
с тревогой,
изучая нашу историю.
Столько лет ушло,
а мы не научились
обращаться с ними,
разговаривать,
любить их
и любить друг друга.
Столько лет ушло, еще убиваем,
и нас убивают.
Одни из нас видят утром,
как с деревьев
капают слезы.
Другие ночами
слышат,
как вместе с ветром
деревья шепчут:
«Какие странные,
непонятные существа
эти люди!».

О мире

Война — черная рука,
сжимающая нож
и сеющая смерть.
Она срезает цветы.
Она пополам разрезает любовь.
Убивает улыбку.
Ранит песню.
Эта черная рука — над нами.
Поднимите руки
и не дайте ей опуститься на нас.
Ради улыбок наших детей.
Ради хлеба,
ради книги.
Ради завтрашних людей.

Песня рабочего

Что бы там ни говорили,
но мир держится
на наших плечах.
Они за спиной,
штыками покалывают нас.
Они в кабинетах
болтают о философии,
о политике.
Мы на лесах,
с мастерками в руках.
Нас обжигает
солнце.
Мы вперед
выставляем
знамена.
Теряя сознание, падаем
и наступаем
вновь.
Нашими павшими
торгуют
в газетах
и на митингах.
Что бы там ни писали,
что бы ни говорили,
правда — это звезда.
Тяжелую глыбу истории
мы несем на плечах.

И по-другому убивать умеют

Мой друг,
убивают не только
бомбами, гранатами,
жадными ножами,
бактериями,
нейтронами,
атомом и газом —
есть способы изощренней.
И по-другому убивать умеют.
Словами, молчанием,
забвением,
холодным взглядом,
который, как игла,
прокалывает сердце.
Тогда смерть медленная.
Жестокая! Беспощадная!

Я не умер для тебя

Я не умер для тебя,
не погиб в горах Пентабактило,
и танк меня не раздавил,
как тебе говорили,
и дикие птицы меня
на куски не порвали.
Я не умер для тебя.
Когда пьешь воду,
ты видишь меня в стакане.
Ты видишь меня,
умываясь утром,
даже когда мыло попадает в глаза.
Ты меня обнимаешь во сне,
и я долго целую тебя.
Я прячусь за страницей книги,
которую ты читаешь.
Я для тебя не умер.
Но это — наша тайна,
никому ни слова об этом,
иначе ты потеряешь меня навсегда.

Вальс

Оле

Когда мы танцуем,
ты пускаешься путешествовать
по огромной своей родине
на крыльях вальса.
Злой маг за тобой охотится,
и ты — тревожная лебедь,
спешащая к озеру, — ищешь спасенья.
А потом зеленая степь
возникает в твоих глазах,
и через мгновение пуховый снег
ее застилает.
Звучит издали бубенчик тройки,
и Волга течет величаво.
Смеркается.
У Мавзолея Ленина
сменяется караул.
Каменный Маяковский читает
новые стихи.
Но кончается вальс, оставляя
твое сердце
под скальпелем ностальгии...

Перевел с греческого
Петр ВЕГИН.

Сергей
МНАЦАКАНЯН

Художник

Ладонью смять сырую глину,
следить в полете зимних птиц...
А жизнь подталкивает в спину —
опаздываешь! Торопись!

Живешь, наращивая темпы,
сиюминутной маетой,
срываешь голос, портишь нервы,
уже не очень молодой.

Опомнись б от этой гонки
и воздуха перехватить
и попросту побыть в сторонке —
судьбу свою не торопить...

Пятница

В пятницу — снег, как пух,
веял с восьми до двух,
чайки взлетают — ух,
перевести бы дух...

Красные лапки птиц —
крестики на песке,
клинопись тех страниц
тает на сквозняке...

Словно бы время здесь
замерло... Темный лес,
прозелень на коре —
пятнами в серебре...

Пригород в январе,
вечер в полутьме,
лампы, как в янтаре,
вкрученные в дома.

Славлю простую жизнь —
улучки без кривизн,
чудо без дешевизн,
совесть без укоризн!

Северный ветер суров,
пена у берегов,
хлопья сквозных снегов
вроде белых стихов...

Славлю вечерний свет,
снег от восьми до двух,
право, не помня бед,
чаек кормить из рук.

Вот корова. Она белобрыса.
Вот теленок. Он чуточку пег.
Вот поэт безымянная птица —
это тоже чуть-чуть человек.
Вот крадется в лесах Подмосковья
волк, что выжил, а как — не поймет,
вот сохатый, объятый любовью,
гордо брачную песню ревет.
Так, не зная тоски и свободы,
восславляют свое бытие
несмышленные дети природы —
гениальные дети ее...

А дети растут без отца.
Так часто такое бывает,
так ранит,
но не убивает,
так мучит,
но не до конца.

А время идет тяжело,
но нежная вырастет дочка,
но сын улыбнется
светло,
и счастлива мать-одиночка.

А время все легче идет —
и все осторожней ступает
по душам,
а в душах светает
и поздней метелью
метет...

Артур
КОНАН ДОЙЛ

РОМАН

Роллина Страйжа

Над этим романом (одно из последних произведений о Шерлоке Холмсе) знаменитый английский писатель работал в 1914—1916 годах. Он решил еще раз вернуться к столкновению Шерлока Холмса с профессором Мориарти, которое завершилось в рассказе «Последнее дело Холмса», и показать, как оно начиналось. Сюжетно этот роман, не публиковавшийся на русском языке ни в одном из многочисленных сборников, ни в собрании сочинений писателя, с рассказом никак не связан. Весьма примечательно, что, хотя действие в романе развивается в 70—80-х годах прошлого века, писатель словно предвидел, какую зловещую роль обретут в странах западного мира всевозможные террористические организации, суть которых определяется религиозным или политическим фанатизмом. События последних лет, связанные, скажем, с разоблачением масонской ложи П-2, придадут современный характер беспощадным оценкам, которые дал писатель масонам того времени.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТРАГЕДИЯ В БЁРЛСТОУНЕ

Глава первая

Предупреждение

Не думаю...— начал было я.
— Да, уж если кому думать— так мне,— буркнул Холмс, не дослушав.
Пожалуй, я один из самых долготерпеливых смертных; но, должен признаться, меня задело это ехидное замечание.

— Послушайте, Холмс,— сказал я строго,— вы порой бываете невыносимы.

Но он был слишком погружен в собственные мысли, чтобы ответить мне. Он сидел перед нетронутым завтраком и изучал листок бумаги, только что извлеченный им из конверта. Затем он взял сам конверт и проглядел его на свет изнутри и снаружи.

— Это от Порлока,— задумчиво проговорил он.— Не сомневаюсь, что от Порлока, хотя лишь дважды до этого получал его послания. Характерное греческое «Е» с пышной завитушкой наверху. Но если это от него, то, должно быть, нечто величайшей важности.— Он говорил больше для себя самого, чем для меня. Но мое раздражение отступило перед интересом, вызванным его словами.

— Что за Порлок?— спросил я.

— Порлок— это условное имя, Уотсон, простое обозначение; но за этим обозначением скрывается хитрый и увертливый человек. В первом своем письме он честно меня предупредил, что пишет не под собственным именем, так что я никогда его не разыщу среди миллионного населения великого города. Порлок примечателен не сам по себе, а благодаря великому человеку, с которым он связан. Представьте рыбу-лоцмана рядом с акулой, шакала рядом со львом— что-либо примечательное своей дружбой с грозным, не только грозным, Уотсон, но и зловещим, в высшей степени зловещим. Вот почему он попал в поле моего зрения. Вы слышали от меня о профессоре Мориарти?

— Знаменитый ученый-преступник, настолько же знаменитый среди нарушителей закона, насколько...

— Краснею, Уотсон,— пробормотал Холмс.
— Я только хотел сказать, насколько он неизвещен публике.

— Попадание! Прямое попадание! У вас, Уотсон, появилась несомненная и неожиданная жилка лукавого юмора, которого я еще не научился остерегаться. Однако же вы, назвав Мориарти преступником, можете ответить по закону за клевету— вот что всего прелестней! Величайший интриган всех времен, организатор всей чертовщины, мозг, управляющий преступным миром, мозг, способный играть судьбами наций,— таков этот человек! Но настолько далекий от подозрений, настолько недоступный для критики, так восхитительно осторожный и незаметный, что за сказанные вами слова он мог бы привлечь вас к суду и лишит вас годового дохода в качестве возмещения за поруганную репутацию. Клеветущий доктор и оклеветанный профессор— вот как распределяются ваши роли. Но и наш день обязательно придет— если до того со мной не покончит тот, кто поменьше.

— Хотелось бы увидеть это!— искренне отозвался я.— Но вы говорили об этом человеке, о Порлоке.

— Ах, да! Так называемый Порлок. У него есть некий рудимент совести, и к тому же я благообразно и незамедлительно подбодрил его десятифунтовой банкнотой, посланной окольным путем. Не сомневаюсь, что если бы у нас был шифр, мы прочли бы сообщение величайшей важности.

Холмс опять расправил бумажку над своей нетронутой тарелкой. Я привстал и, наклонившись над ним, уставился на странную надписи, выглядевшую так:

534 K2 13 127 36 4 17 21 41
ДУГЛАС 109 293 5 37 БЁРЛСТОУН
26 БЁРЛСТОУН МЭНОР 9 47171

— Что это такое, Холмс?

— Как видите, попытка передать секретную информацию.

— Но какой смысл в зашифрованной записке без ключа?

— Пока что— никакого.

— Почему «пока что»?

— Потому что есть много шифров, которые я мог бы прочесть так же легко, как прочитываю апокрифы в колонках газетных объявлений: примитивные схемы, которые забавляют ум, не утомляя его. Но здесь другое. Это, несомненно, указания на слова со страницы какой-то книги. Пока я не знаю, что за страница и что за книга, я бессилён.

— Но почему «Дуглас» и «Бёрлстоун»?

— Конечно, потому, что этих слов не было на нужной странице.

— Почему же он тогда не обозначил книгу?

— Ваша природная пронзительность, Уотсон, та врожденная прозорливость, которая приводит в восхищение ваших друзей, и вам бы не позволила отправлять шифр и ключ в одном конверте. Если все вместе попадет не по адресу— вы пропали. Однако вот-вот придет вторая почта, и я буду очень удивлен, если мы не получим ни письма с более полной информацией, ни, что более вероятно, тот самый том, к которому относятся эти значки.

Предположения Холмса подтвердились через несколько минут, когда Билли, слуга, принес ожидаемое нами письмо.

— Вот оно!— заметил Холмс, открывая конверт.— То, что нам нужно,— добавил он радостным голосом, развертывая записку.— Теперь мы двинемся с места, Уотсон.— Читая письмо, он помрачнел.

— М-да, какое разочарование! Я боюсь, Уотсон, что наши ожидания не оправдались. Надеюсь, Порлок не пострадает.

«Дорогой мистер Холмс!— говорилось в письме.— Я больше не занимаюсь этим делом. Слишком опасно. Он подозревает меня. Он тихо и неожиданно вошел как раз в то время, когда я только что надписал конверт, намереваясь отправить вам ключ. Я умудрился прикрыть конверт. Если бы он его увидел, все обернулось бы для меня очень плохо. Но я прочел подозрение в его глазах. Пожалуйста, сожгите зашифрованную записку, от которой вам теперь нет никакой пользы.

Фред Порлок».

Холмс некоторое время сидел, вертя письмо в руках и хмуро уставясь в огонь.

— Однако же,— сказал он наконец,— ничего страшного могло и не произойти. Всего лишь игра большого воображения. Ему, знающему о собственной измене, могло почудиться подозрение в глазах другого.

— «Другой»— это профессор Мориарти?

— Ну да! Когда кто-то из них говорит «он», сразу можно понять, кого они имеют в виду. «Он» для них единствен и неповторим.

— Но что он может?

— Гм! В двух словах не ответишь. Когда у тебя одни из лучших мозгов в Европе и все силы тьмы за спиной, возможности твои неограниченны. Во всяком случае, дружище Порлок явно выбит из колеи. Сравните почерк, которым надписан конверт, и почерк самого письма. Конверт надписан до зловещего визита. Почерк четкий. В письме— еле разборчив.

— Но почему он вообще написал? Почему просто-напросто не оборвал связь с вами?

— Потому что боялся, что я начну его разыскивать и навлеку на него беду.

— Да-да,— кивнул я, взял в руки зашифрованную записку и начал ее рассматривать, хмурая брови.— С ума можно сойти, как подумаешь, что здесь, на этом кусочке бумаги, сообщен важный секрет и вне человеческих сил проникнуть в него.

Холмс отодвинул так и нетронутый завтрак и раскурил свою отвратительную трубку, неизменную спутницу его глубочайших размышлений.

— И все-таки!— сказал он, откидываясь в кресле и глядя в потолок.— Возможно, здесь есть пункты, которые ускользнули от нашего макиавеллиевского интеллекта. Давайте рассмотрим проблему в свете чистого разума. Порлок использовал какую-то книгу. Вот отправная посылка.

— Что-то очень неопределенное.

— Посмотрим, не можем ли мы сузить наш круг. Сейчас, когда мой ум мобилизован, это кажется мне менее недоступным. Какие есть у нас приметы этой книги?

— Никаких.

— Ну, ну, все вовсе не так плохо. Шифр начинается с большого числа, 534, так? В качестве рабочей гипотезы мы можем принять, что 534—та самая страница, которая содержит ключ. Следовательно, наша книга— большая книга, и это уже что-то. Есть ли еще указания на вид этой книги? Следующий значок—K2. Что вы думаете об этом, Уотсон?

— Колонка?..

— Великолепно, Уотсон! Сегодня вы в ударе. Если это не колонка, то я очень сильно заблуждаюсь. Итак, вы видите, перед нами начинается вырисовываться большая книга, напечатанная в две колонки, каждая из которых значительной длины, поскольку одно из слов в этом документе помечено числом 293. Дойди мы до пределов того, что можно узнать?

ние на Грезе — так потому, что хочу ознакомить вас с делом с помощью того, что вы видели своими глазами.

— Ладно, мистер Холмс, я согласен: все, что вы говорите, очень интересно. Даже более — это великолепно. Но проясните немного, если можно. Откуда эти деньги: что он, фальшивомонетчик, грабитель, мастер подлогов?

— Вы когда-нибудь читали о Джонатане Уайльде?

— Вроде имя звучит знакомо. Кто-то из романа, да? Я равнодушен к сыщикам из романов: все-то у них получается, а как и почему, они сами над этим не задумываются. Работают по вдохновению. Нет, это несерьезно.

— Джонатан Уайльд не был сыщиком, и он не из романа. Это великий преступник, и жил он в прошлом веке — в 1750-х годах или около того.

— Тогда не вижу в нем никакой пользы для себя. Я человек практичный.

— Мистер Мак, самой практичной вещью в вашей жизни было бы запереться от всех на три месяца и по двенадцать часов в день изучать анналы преступлений. Все движется по кругу — даже профессор Мориарти. Джонатан Уайльд был скрытой силой лондонских преступников, которым он продавал свой ум и свою организацию за пятнадцать процентов комиссионных. Теперь все вернулось на круги своя. Я расскажу вам одну или две вещи о профессоре Мориарти, которые будут небезынтересны для вас.

— Наверняка заинтересуют.

— Мне довелось узнать, кто же первое звено в этой цепочке — цепочке, на одном конце которой наш сбившийся с пути Наполеон, а на другой — сотни мелких задира, карманников, шантажистов, карточных шулеров со всеми видами преступлений посредине. Его начальник штаба — полковник Себастьян Моран, такой же незаметный, осторожный и недоступный для закона, как сам профессор. Как вы думаете, сколько Мориарти ему платит?

— Хотелось бы услышать.

— Шесть тысяч в год. Как вы понимаете, это плата за мозги — американский деловой принцип. Это больше, чем получает премьер-министр. И это даст вам представление о доходах Мориарти и о лестнице, которую он возвел. И во-вторых: я занялся охотой за чеками профессора — самыми обычными чеками, которыми он оплачивает домашние счета. Они были выписаны на шесть разных банков. Впечатляет?

— Еще бы! И что вы отсюда вывели?

— Что он избегает слухов о своем богатстве. Ни один человек не должен знать, что оно у него есть. Я не сомневаюсь, что у него штук двадцать банковских счетов; кто его знает, может, есть и заграничные вклады, где-нибудь в Немецком банке или в Лионском кредите. Если у вас когда-нибудь освободятся год или два, советую вам попристальней изучить профессора Мориарти.

Чем дальше продолжался этот разговор, тем больше он производил впечатление на инспектора. Макдональд так увлекся, что забыл обо всем. Теперь его трезвый шотландский ум вернул его к нынешней неотложной реальности.

— Да, это может быть содержательным, — сказал он. — Но своими интереснейшими историями вы увели нас в сторону, мистер Холмс. Что действительно имеет значение, так это ваше замечание о наличии какой-то связи между профессором и преступлением. То, что вы поняли из предупреждения, присланного этим Порлоком. Может это помочь нам в настоящий момент хоть сколько-то сдвинуться с места?

— Мы можем как-то определить мотивы преступления. Ведь они — я исхожу из ваших собственных слов — пока неизвестны. И тут скорей всего — допуская, что нами правильно угадан источник преступления, — одно из двух. Во-первых, чтобы вы знали, Мориарти правит своими людьми беспощадной рукой. Дисциплина у него железная. Есть только одно наказание в его кодексе. Это смерть. Итак, первый вариант: убитый человек — этот Дуглас, чья грядущая судьба была известна одному из служителей архипреступника, — каким-то образом обманул своего шефа. Наказание последовало незамедлительно и с оповещением всех остальных — для того только, чтобы внушить им страх смерти.

— Первое предположение.

— Второе — что это обычное деловое мероприятие, организованное Мориарти. Там что-нибудь похищено?

— Этого я не знаю.

— Если так, то это, конечно, против первой гипотезы и в пользу второй. Мориарти мог быть приглашен для разработки плана — с обещанием ему части добычи, а мог даже стоять во главе операции, если плата была соответствующей. И то, и другое возможно. Но что бы там ни было, может, даже что-то третье, ответ мы должны искать в Бёрлстоуне. Я этого человека знаю слишком хорошо и не могу допустить, что он оставил в Лондоне следы, выводящие на него.

— Тогда мы должны двигаться в Бёрлстоун! — вскричал Макдональд, вскакивая со стула. — Господи! Сейчас позже, чем я думал. Я даю вам пять минут на сборы, джентльмены, не больше.

— И вполне достаточно для нас обоих, — сказал Холмс, оказавшись уже на ногах и быстро сменяя домашний халат на пиджак. — А по пути, мистер Мак, окажите любезность, расскажите все, что вы знаете об этом деле.

«Все» оказалось удручающе мало. Однако и этого хватило, чтобы дать нам понять, насколько здесь необходимо самое пристальное внимание знатока. Холмс светлел и потирал руки, выслушивая скудные, но впечатляющие детали.

Наконец появился подходящий объект для приложения этой необычайной силы, которая, как и любое особое дарование, тяготила своего владельца, пребывая без употребления. Этот острый ум от бездействия затупивался и ржавел.

Глаза Холмса сверкали, бледные щеки немного порозовели, все его энергичное лицо светилось внутренним светом, появлявшимся при зове работы. В кعبе он выслушал короткий рассказ Макдональда о проблемах, которые ждали нас в Суссексе. Сведения самого инспектора были ограничены короткой запиской, которую он получил сегодня с самым ранним поездом. Уайт Мэзон, тамошний полицейский, был его личным другом, и поэтому Макдональда вызвали быстрее, чем вызывается обычно Скотланд Ярд, когда провинция нуждается в его помощи. В основном столичных экспертов приглашают на уже холодный след.

«Дорогой инспектор Макдональд! — говорилось в письме. — Официальный запрос на вас следует в отдельном конверте. Это же вам лично. Телеграфируйте мне, каким поездом вы сможете сегодня утром прибыть в Бёрлстоун, и я вас встречу, или кто-нибудь встретит вас, если я буду слишком занят. Дело сногсшибательное. Выезжайте, не теряя ни секунды. Если вы можете пригласить мистера Холмса, сделайте это, пожалуйста; он найдет тут кое-что в своем вкусе. Мы могли бы подумать, что вся эта штука поставлена ради театрального эффекта, если бы в центре ее не было покойника. Честное слово! Это сногсшибательно!»

— Кажется, ваш друг не дурак, — заметил Холмс.

— Нет, сэр. Уайт Мэзон — очень толковый человек, если я хоть что-нибудь понимаю.

— Хорошо. Известно что-нибудь еще?

— Он все нам расскажет в деталях, когда мы встретимся.

— Откуда вы тогда знаете о мистере Дугласе и зверском убийстве?

— Из вложенного официального рапорта. Там не говорится «зверское» — это ведь неофициальный термин. Называется имя — Джек Дуглас. Сообщается, что раны были нанесены в голову выстрелом из ружья. Называется также час происшествия — около двенадцати ночи. Добавлено, что это — явное убийство, но никакого ареста не произведено, и все дело имеет странные и необычные очертания. Вот все, что у нас есть в настоящем, мистер Холмс.

— С вашего разрешения, мы это пока так и оставим, мистер Мак. Соблазн выстраивать прежневременные теории на основе недостаточных данных — отравы нашей профессии. Пока что только две вещи очевидны; великий ум в Лондоне и мертвец в Суссексе. Вот цепочка, по которой мы должны двигаться.

Глава третья

Трагедия в Бёрлстоуне

Теперь я хотел бы на время удалить со сцены свою незначительную персону и описать события, обусловившие наш приезд в Суссекс и ставшие нам известными чуть позже. Только так я смогу дать читателю представление о людях, здесь затронутых, и о странной обстановке, в которой их постигла судьба.

Деревня Бёрлстоун — небольшая горстка очень старых деревянных домиков — расположена на северной границе графства Суссекс. Веками она оставалась неизменной; однако в последнее время ее живописный вид и местоположение привлекли внимание состоятельных людей — их виллы теперь выглядывают тут и там из окрестных лесов. Леса эти являются, по всей видимости, крайней кромкой великого Уэльдского леса, к северу становящегося все более разреженным и переходящего в меловые равнины. Нужды растущего населения вызвали к жизни несколько небольших магазинчиков, и вообще весьма вероятна представляется скорое превращение Бёрлстоуна из древней деревушки в современный город. Тем более что это центр значительной части местности, так как Тернбридж Уэллс, ближайший крупный населенный пункт, расположен десятью или двенадцатью милями восточнее, уже в пределах графства Кент.

В полумиле от Бёрлстоуна, в парке, знаменитом своими огромными грушевыми деревьями, расположено старинное владетельное здание — Бёрлстоун Мэнор Хауз.

Дом этот, с его многочисленными гребнями и большими ромбическими окнами, сохранился в основном таким, каким его оставил строитель семнадцатого века. Из двух наполненных водой рвов, охранявших когда-то его далекого воинственного владельца, внешний осушен и исполняет скромные обязанности огорода. Внутренний сохранился, составляет приблизительно футов сорок в ширину, а в глубину — не более нескольких футов и окружает весь дом. Небольшая речка снабжает его водой и потом продолжает свой путь, так что вода, хоть и мутная, никогда не бывает застоявшейся или нездоровой. Окна первого этажа находятся меньше чем в футах от поверхности воды.

К дому можно пройти только через подъемный мост, лебедки и цепи которого долгое время ржавели и разрушались. Последний арендатор Мэнор Хауза с энергией, для него характерной, привел мост в порядок, и мост не только получил возможность подниматься и опускаться, но и поднимался каждый вечер и опускался каждое утро. С возобновлением этой привычки старых феодальных дней Мэнор Хауз стал превращаться в остров на всю ночь — факт, играющий важную роль в той загадочной истории, которая привлекла вскоре внимание всей Англии.

Дом простоял нежилым несколько лет и угрожал превратиться в живописные развалины, когда в него въехали Дугласы. Семья состояла из двух человек — Джека Дугласа и его жены. Дуглас был человеком примечательным и по характеру, и по внешнему виду: примерно пятидесяти лет, с необыкновенно острым и пронизательным взглядом серых глаз, с тяжелой челюстью, седыми усами и с жилистой подтянутой фигурой, не утратившей ни юношеской подвижности, ни силы. Он был весел и приветлив со всеми, однако что-то вульгарное в его манерах говорило о том, что он повидал жизнь более низких слоев общества, чем те, с которыми общался теперь.

Но хотя он выглядел диковинным и ограниченным в глазах его более культурных соседей, он вскоре приобрел большую популярность среди местных жителей — он с удовольствием вникал во все их заботы, принимал участие во многих развлечениях, где всегда был готов порадовать собравшихся прекрасной песней — у него был замечательный тенор. Выглядел он человеком богатым — разбогатевшим, как говорили, на калифорнийских золотых приисках. Со слов его собственных и его жены было известно, что часть жизни он провел в Америке.

Хорошее впечатление, которое он производил своей щедростью и демократичными манерами, еще усиливало приобретенную им репутацию смельчака. Так, когда горел дом священника, он поразил всех полнейшим бесстрашием и безразличием к опасности, спасая имущество уже после того, как местная пожарная бригада признала это невозможным.

Его жена также была популярна среди тех, кто их знал; правда, гости у них бывали редко — следствие наших английских нравов, не позволяющих наносить визитов незнакомцу, который, обосновавшись в графстве, официально никому не представлялся. Это, однако, мало волновало ее, поскольку она, по общему впечатлению, была погружена в домашние хлопоты, в заботы о хозяйстве и муже — и это вполне соответствовало ее природным наклонностям. О ней было известно, что она англичанка и встретилась с Дугласом уже в Лондоне, когда тот стал вдовцом. Она была красивой женщиной, высокой, темноволосой и стройной, на двадцать лет моложе своего супруга; но разница в возрасте не мешала их семейному согласию.

Правда, те, кто их лучше знал, подметили, что между двумя членами этой семьи не было полной открытости. То ли жена не желала говорить о прошлом своего мужа, то ли, что вернее, почти ничего не знала о нем. Не осталась без внимания некоторых наблюдательных людей и странная повышенная нервозность миссис Дуглас, особенно усиливавшаяся и доходившая до состояния нескрываемой острой тревоги, если муж, отлучившись, необычно запаздывал с возвращением домой. В тихой сельской местности, где у слухов и сплетен благодатная почва, эта слабость хозяйки Мэнор Хауза не прошла незамеченной и с особой силой вспыхнула в людской памяти, когда разразились события, придавшие ей весьма определенное значение.

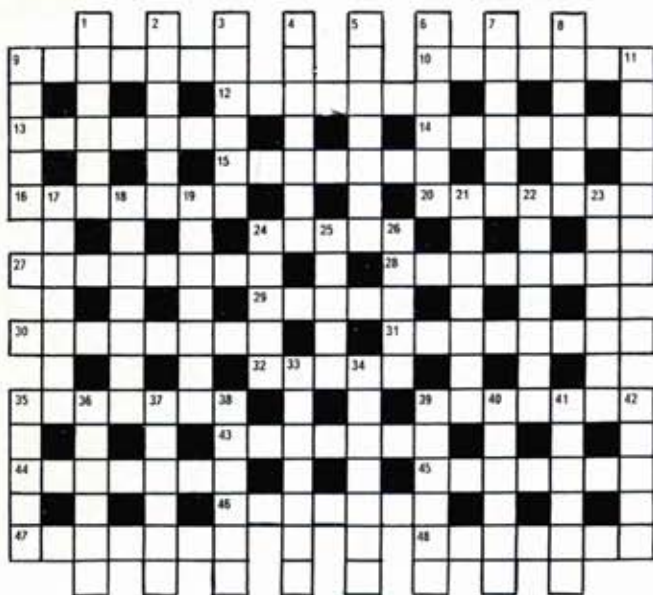
Был и еще один человек, пребывание которого под этой крышей хотя не являлось постоянным, но чье присутствие во время странных происшествий требует представить его читателю. Это Сесиль Джеймс Баркер из Халес Лоджа, Хэмпстед.

К высокой, раскованной фигуре Сесили Баркера привыкла главная улица Бёрлстоуна, поскольку он был частым и желанным гостем в Мэнор Хаузе. Он должен быть отмечен также как единственный друг мистера Дугласа из его неизвестного прошлого. Сам

КРОССВОРД

Составил Н. ЕРМАКОВ.
Славянск Донецкой области

По горизонтали:

9. Строфа, которой написана «Божественная комедия» Данте. 10. Эту для пения на одних гласных звуках. 12. Сердце атомной электростанции. 13. Показная храбрость. 14. Равнодушный, бессердечный человек. 15. Работник, перевыполняющий задания. 16. Квадратный участок леса. 20. Название металлов, стали у древних греков. 24. «Около рудничной конторы стоит ... для поселенцев, работающих в копях» (А. П. Чехов. «Остров Сахалин»). 27. ... хуже воровства (русская поговорка). 28. Эффект драгоценных камней образовывать на свету многолучевые звезды. 29. Роман И. С. Тургенева. 30. Грузинский поэт, в роду которого было принято обращаться друг к другу со стихотворными посланиями. 31. Язвительность, ядовитость. 32. Что город, то ..., что деревня, то обычай (пословица). 35. Советский космонавт, в первый раз полетевший в космос на «Союзе-4». 39. Советский географ-картограф. 43. Десятиногий морской рак с деликатесным мясом. 44. Личность, особа. 45. Мостовое сооружение, популярное в Древнем Риме. 46. Ополченец в опере М. Глинки «Иван Сусанин». 47. Дробь барабанная, репетиция (общее название). 48. Место, возле которого стояла изба героя в повести Д. Григоровича «Антон-Горемыка».

По вертикали:

1. Курорт на Рижском взморье. 2. Великан. 3. Подразделение для охраны военных объектов. 4. Разрывной снаряд. 5. Река, образуемая слиянием Котуя и Хеты. 6. Серия научно-популярных книг. 7. Представительница населения автономной республики, в которой должителей не меньше, чем на Кавказе. 8. Красная ягода, съедобная после первых морозов. 9. Упаковка для масел, пасты, красок. 11. Точка, на которой в полдень на экваторе стоит солнце. 17. Самая высокая часть дерева. 18. Один из самых популярных в русской литературе женских персонажей. 19. Южное плодородное дерево с очень хрупкой древесиной. 21. Одно из русских названий кашки и клевера. 22. Арабское население, в начале XVII века изгнанное из Испании. 23. Местность близ впадения реки в море. 24. «Не спорь, отец мой, с ним: он, знаешь, ... знатной» (Чванкина Честону в «Хвастуне» Я. Княжнина). 25. Локатор. 26. Город на Украине, связанный с именами А. Гайдара, О. Кошевого, Т. Шевченко. 33. Старинный многоместный конный экипаж. 34. Сельскохозяйственное орудие. 35. Еле слышный разговор. 36. Английский живописец-романтик. 37. Автор романа «Барсуки». 38. Советский тяжелоатлет, чемпион Европы и мира. 39. Деревянный треножник скульптора. 40. Садовый цветок родом из Средиземноморья. 41. Советский композитор. 42. Самая мелкая монета Древней Руси.

ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

1. Церемония. 5. Вибростол. 10. Ливчанка. 11. Позитрон. 14. Нестинарка. 15. Хризантема. 17. «Каисса». 18. Алофема. 19. Шапито. 22. Филлигранография. 23. Чалма. 24. Юстас. 29. Железнодорожник. 33. Терпуг. 34. Зависть. 35. Индекс. 38. Респиратор. 39. Иранистика. 40. Даниельс. 41. Астильбе. 42. Накладная. 43. «Гайдамаки».

По вертикали:

1. Цилиндрический. 2. Ровесник. 3. Мравинский. 4. Нектар. 6. Бронза. 7. Ориентация. 8. Туркенич. 9. Лантанаид. 12. Экспериментатор. 13. Промогастрография. 16. Афины. 20. Риварес. 21. Караджа. 25. Секуринега. 26. Ядрин. 27. Гимнастика. 28. Гетеродин. 30. Руставели. 31. Тростник. 32. «Женитьба». 36. Каньон. 37. Енисей.

28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

СМЕРТЬ ОТ КОНЯ

Конь — самая легкая фигура. Вероятно, поэтому он единственный может брать барьеры на шахматной доске. Именно в этом его своеобразная сила. На голой доске даже два коня с королем не могут дать мат неприятельскому королю. Другое дело — в стесненных позициях. Тогда и один конь может объявить королю смертельный шах — знаменитый спертый мат!

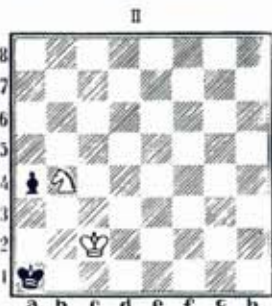
Композиций с одиноким конем очень мало. Поэтому задания сегодняшнего тура носят в значительной мере учебный характер. Главное, они дают некоторое представление о возможностях коня.

Пятый тур

Белые: Крe2, Кб6 (2)
Черные: Крг1, Лh1, Сс8, п.п. g2, h2 (5)

Мат в 3 хода (1 балл)

Белые: Крс2, Кб4 (2)
Черные: Кра1, п. а4 (2)

Мат в 7 ходов (2 балла)

III В. Чепижный

Публикуется впервые

Белые: Крг4, Кб2 (2)
Черные: Кре5, Сh6, Ка1, Кh7 (4)
Ничья (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 5-й тур». Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) — 15 июня.

Конкурс юмористических рисунков

Рисунок Вадима ГОРЮНОВА, Рязань

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА, Москва

Рисунок Константина СМЕРНОВА, Одесса

Рисунок Павла БОНДАРОВСКОГО, Москва

ПОДПИСКА НА «СМЕНУ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Если вы захотите подписаться на наш журнал в течение 1986 года, то можете это сделать в любом почтовом отделении связи, в агентстве «Союзпечати» до 12-го числа предподписного месяца (например, до 12 мая — на июль и далее).

Подписка проводится свободно, без ограничений. Цена номера 35 копеек.

Не забудьте, что «Смена» выходит два раза в месяц. Обращаем ваше внимание на то, что в розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 04.03.86. Подписано к печати 17.03.86. А 01942. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 865. Заказ № 2550. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Друзья! Помните, что соревнование — это праздник, и идти к нему надо самыми дорогими тренировками.
V. Veelken

Люди по-разному относятся к числу «13». Одни воспринимаяют его с юмором, другие — с суевным трепетом, третьи — индифферентно. Но баскетболисты-то твердо уверены: нет на свете числа несчастливее. Существует в баскетболе такое понятие — «тринадцатый игрок». То есть игрок, живущий и готовящийся со сборной командой страны до последнего тренировочного часа, но в основной состав на турнир не попадающий, ибо, по мнению тренеров, на сегодняшний день он чуть-чуть уступает первым двенадцати. Они улетают, как правило, из одного аэропорта: сборная — на соревнования, тринадцатый — домой.

В канун Московской олимпиады, пожелав товарищам успеха на турнире, в Ригу возвращался «отцепленный» в последний момент Валдис Валтерс. О чем он думал в те невеселые минуты?

Обычно в таких случаях спортсмен либо опускает руки, либо, наоборот, принимается неистово тренироваться, чтобы доказать право на место в основном составе.

Валтерс избрал второй путь? В общем-то да, но с небольшой поправкой. Он верил: команда должна, обязана, наконец, принять тот баскетбол, который исповедует он, Валдис Валтерс!

Мяч у Валтерса. Центральной под кольцом соперника жестом показывает, что готов к приему мяча. Следует пас — мгновенный, как выстрел, а «центр» мяча в руках не удержал, и тренер на скамейке запасных хватается за сердце. Либо вдруг дерзкий бросок по кольцу в исполнении Валдиса, бросок вопреки всякой логике, из архитрудного положения — и ... мяч в корзине! В такую стремительную, острую, непредсказуемую игру хочет играть и играет Валтерс.

В другую не намерен. Самонадеянность? Возможно. Но в послеолимпийском сезоне сборная СССР с блеском выиграла чемпионат Европы, и лучшим игроком первенства был Валтерс. Именно за свой почерк.

А теперь вспомним: в конце 50-х — начале 60-х годов в стране и Европе не было равных баскетбольной команде рижских армейцев во главе с ее капитаном Майгонисом Валдманисом. Тренировал СКА А. Я. Гомельский. Надо ли говорить, что каждый мальчишка в Латвии бредил в то время баскетболом, бывая во сне и Валдманисом, и Гомельским одновременно. Закончив выступления, Валдманис решил передать накопленный опыт этим самым ребятам. В 1964 году к нему на тренировку в ДСШ № 45 впервые пришел крохотный человечек и заявил, что хочет (и уже умеет!) играть в баскетбол. Тренеру пришлось присесть на корточки, чтобы как

следует разглядеть посетителя, которому было тогда неполных семь лет и которого звали Валдис. С момента этой счастливой для обоих встречи минуло два десятка лет.

Вот что рассказывает старший тренер рижского ВЭФа о своем ученике: «Вал-

дис — спортсмен до мозга костей. Он необычайно талантлив, поэтому с него и спрос особый. Мы до сих пор учимся друг у друга. — И добавляет: — Ну, а характерец у него далеко не сахар».

В почте рубрики «Спортивный автограф» немало писем с просьбой рассказать о представителях игровых видов спорта. Встретиться на страницах журнала с Валдисом Валтерсом — капитаном сборной СССР по баскетболу чемпионом мира и двукратным победителем первенств Европы — хотели: А. Пипанс (Елгава), Н. Филиппович (Гродно), Х. Таджиев (Наманган), жители пос. Коряжма Архангельской области и другие читатели. Ждем ваших предложений, уважаемые друзья!

Рижане глубоко уверены, что футболу с хоккеем, равно как и остальным спортивным играм, не повезло: ведь Валтерс играет в баскетбол, хотя по абсолютному убеждению игроков и зрителей мог бы стать лидером в любом командном виде спорта. Именно командном, поскольку капитан ВЭФа при всей своей индивидуальности во главу угла ставит победу коллектива. Пока же его личные успехи опережают достижения рижан, однако капитан не унывает (это вообще не в его характере): главные матчи не сыграны.

В баскетболе для Валдиса секретов нет. Снайперские броски, виртуозный дриблинг, скрытые передачи — зритель идет «на Валтерса», заранее предвкушая удовольствие от игры десятого номера.

Мнение партнеров по команде: «Ты только подбираешься к щиту, сам еще не успел оценить позицию, и вдруг у тебя в руках оказывается мяч, и все защитники соперника отрезаны. И делает это Валдис». Стало быть, он командный игрок? Да, но не только. Команда набирает за матч в среднем 85—90 очков, Валтерс же в одной встрече забросил 69. Сенсация? Конечно. Но в другой игре он может не бросать по кольцу так интенсивно, зато отличится при передачах...

После игры он обязательно сразу же звонит домой — ведь там Валдиса ждут самые преданные и строгие болельщики: жена Зента, работающая спортивным педагогом, и сыновья Сентис и Кристопс. Надо было видеть, как Валтерс спешил на самолет после окончания турнира «Дружба-84», где был признан лучшим защитником. На следующий день Кристопс отмечал день рождения, а через два дня отец должен был вести его в школу. Пока в обычную, а там возможно, и в спортивную — восемь лет сыну, самый баскетбольный возраст. Учебный год начинался и у самого отца, пятикурсника рижского Политехнического института.

В чем же секрет мастерства Валтерса?

«Интересно играть, когда ты в хорошей форме, — говорит Валдис. — Значит, нужно быть в такой форме. Всего-навсего».

Сергей МИКУЛИК

Фото Сергея ВЕТРОВА и Евгения МИРАНСКОГО

ВАЛДИС ВАЛТЕРС